

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

1/2023

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логина** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), к. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотрович** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых** (Новосибирск), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Санкт-Петербург), к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокин** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (cand. of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **I. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Novosibirsk), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: rzh@usla.ru,
electronic.rzh.org.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Нагиева А. А. (Москва)* Тенденции развития консульских отношений Российской Федерации с государствами-участниками СНГ 5

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Гильмутдинова Д. А., Агеев С. С. (Москва)* Реализация регулирующей функции налога для ускорения модернизации экономики: опыт России и Новой Зеландии 13
- Рыжкова Е. А., Мельник С. С. (Москва)* Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: опыт Мальты 21
- Эбергардт С. А. (Екатеринбург)* Зарубежный опыт правового регулирования криптовалюты 27

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Ларионов П. А. (Екатеринбург)* Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации 35

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Шевырталов Е. П., Дерюгин Р. А. (Екатеринбург)* Организационно-тактические особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи 45

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Карелина С. А., Осокин А. В. (Москва)* Взыскание убытков при санации кредитной организации как инструмент банковского надзора 51

ХРОНИКА

- Кукушкин В. М. (Екатеринбург)* «Цифровой рубль: дискуссии о будущем денежной единицы России»: обзор круглого стола 59

ВАША БИБЛИОТЕКА

- Рец. на кн.: *Саликов М. С., Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е., Кузнецова С. С., Мочалов А. Н.* Государственное регулирование Интернета и права человека: монография. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2022. – 220 с. 64
- Рец. на кн.: *Yadong Cui.* Artificial Intelligence and Judicial Modernization. – Shanghai: Shanghai People’s Publishing House, 2020. – 242 p. 68

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW

- Nagieva A. (Moscow)* Tendencies in the development of consular relations between the Russian Federation and the CIS member states..... 5

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Gilmutdinova D., Ageev S. (Moscow)* Realization of the regulatory function of tax to accelerate economic modernization in Russia and New Zealand.....13

- Ryzhkova E., Melnik S. (Moscow)* International cooperation in the field of criminal proceedings: the experience of Malta21

- Ebergardt S. (Yekaterinburg)* Foreign experience of cryptocurrency legal regulation..... 27

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Larionov P. (Yekaterinburg)* Contextual restrictions in criminal law interpretation.....35

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

- Shevyrtalov E., Deryugin R. (Yekaterinburg)* Tactical features of conducting an interrogation through the use of video conferencing systems..... 45

ECONOMICS AND LAW

- Karelina S., Osokin A. (Moscow)* Recovery of losses during the sanitation of a credit company as a tool for banking supervision51

CHRONICLE

- Kukushkin V. (Yekaterinburg)* «Digital ruble: discussions about the future of Russia's currency»: a round table review 59

LIBRARY

- Book review: *Salikov M. S., Nesmeyanova S. E., Kolobaeva N. E., Kuznetsova S. S., Mochalov A. N.* State regulation of the Internet and human rights: a monograph. – Yekaterinburg, UMTS-UPI, 2022. – 220 p.64

- Book review: *Yadong Cui.* Artificial intelligence and judicial modernization. – Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2020. – 242 p.68

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОНСУЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ СНГ*

Нагиева Амина Алиевна

Доцент кафедры международного права
Московского государственного института международных отношений (Университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва),
кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-3815-3961, e-mail: a.nagiyeva2017@mail.ru.

В статье проведен комплексный анализ российского законодательства, применимого к деятельности консульских учреждений, а также правовой базы СНГ в области консульского права. Особое внимание уделено роли двусторонних консульских конвенций в регулировании консульских отношений между государствами-участниками СНГ. Выявлены общие тенденции развития консульских отношений между государствами-участниками СНГ в таких вопросах, как порядок выполнения консульских функций, правовой статус, объем привилегий и иммунитетов консульских учреждений и консульских должностных лиц и др. Автор приходит к выводу, что наблюдается тенденция к расширению консульских функций, консульских привилегий и иммунитетов на уровне двусторонних соглашений и национального законодательства. Подобные изменения хоть и допускаются Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г., однако на практике создают некоторые сложности, обусловленные расхождением позиций государств по вопросам объема консульских функций, объема иммунитетов и привилегий, предоставляемых консульским учреждениям, консульским должностным лицам, и по ряду других вопросов.

Ключевые слова: консульское учреждение, консульские функции, консульские должностные лица, представляемое государство, государство пребывания, государства-члены СНГ

Для цитирования: Нагиева А. А. Тенденции развития консульских отношений Российской Федерации с государствами-участниками СНГ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_5.

TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF CONSULAR RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CIS MEMBER STATES

Nagieva Amina

Associated professor, Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow), candidate of legal sciences,
ORCID: 0000-0003-3815-3961, e-mail: a.nagiyeva2017@mail.ru.

The article provides a comprehensive analysis of the Russian legislation applicable to the activities of Russian consular posts, as well as the legal framework of the CIS in the field of consular law. Particular attention is paid to the role of bilateral consular conventions in the development of consular relations between the CIS member states. The author identifies some general trends in the development of consular relations between the CIS member states in such areas as the procedure for performing consular functions, the legal status, the scope of privileges and immunities of consular posts and consular officers, etc. The author concludes that there is a tendency to expand consular functions, privileges and immunities at the level of bilateral

* Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук.

agreements and national law. Such changes, although permitted under the Vienna Convention on Consular Relations of 1963, create in practice some difficulties because of divergent positions of states on the scope of consular functions, the scope of immunities and privileges, granted to consular posts and consular officers, and on other issues.

Key words: consular post, consular functions, consular officers, sending state, receiving state, CIS member states

*For citation: Nagieva A. (2023) Tendencies in the development of consular relations between the Russian Federation and the CIS member states. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 5–12, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_5.*

Описывая консульские функции, известный французский дипломат Ш. М. де Талейран-Перигор говорил: «Обязанности консула бесконечно разнообразны, они во многом отличаются от обязанностей других чиновников министерства иностранных дел. Они требуют массы практических знаний, для которых необходимо специальное образование»¹. Действительно, анализ консульских функций, предусмотренных международно-правовыми документами, национально-правовыми актами, позволяет говорить об объемности, многогранности и сложности задач, которые стоят перед дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями.

Основные консульские функции направлены на обеспечение защиты прав и интересов как представляемого государства, так и его граждан и юридических лиц. Для России указанные функции приобретают особую актуальность в свете напряженной международной обстановки, вызванной кризисом на Украине и ведением некоторыми западными государствами санкционной политики, направленной на изоляцию России.

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229) одним из приоритетных направлений внешней политики России являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием. Защита прав и интересов миллионов соотечественников, проживающих в странах СНГ, остается одной из приоритетных внешнеполитических задач нашей страны. В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится о необходимости оказания поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, в том числе права на сохранение общероссийской культурной идентичности, обеспечение защиты их интересов.

Эти и другие задачи в рамках консульских функций успешно реализуются по линии дипломатических представительств, консульских учреждений и специализированными органами СНГ, например Консультативным советом руководителей консульских служб министерств иностранных дел государств-участников СНГ.

У России сегодня насчитывается семь генеральных консульств в странах СНГ: в г. Гюмри (Республика Армения), г. Брест (Республика Беларусь), городах Алматы, Уральск, Усть-Каменегорск (Республика Казахстан), г. Ош (Кыргызская Республика), г. Худжанд (Республика Таджикистан); консульская миссия в г. Туркменбаши (Туркменистан) и консульские отделы при посольствах РФ во всех странах СНГ. Консульским департаментом МИД России активно прорабатываются вопросы о расширении сети консульских учреждений в странах СНГ. Планируется открытие российских консульских учреждений в г. Актау (Республика Казахстан), г. Гродно (Республика Беларусь), г. Самарканд (Республика Узбекистан) и в ряде других городов на пространстве СНГ.

Правовые акты Российской Федерации, применимые к консульской службе

В России деятельность консульской службы регламентируется Конституцией РФ 1993 г. с учетом поправок 2020 г., Федеральным законом от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ

¹ Лапин Г. Э. Консульская служба: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 10.

«Консульский устав Российской Федерации» (далее – Консульский устав РФ); Положением о Министерстве иностранных дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» (далее – Положение о МИД РФ); Положением о Консульском учреждении Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 5 ноября 1998 г. № 1330 (далее – Положение о Консульском учреждении РФ); Положением о Почетном консуле Российской Федерации, утвержденным приказом по МИД РФ от 13 октября 1998 г.; Положением о предоставлении помощи в возвращении в Российскую Федерацию граждан Российской Федерации, оказавшихся на территории иностранного государства без средств к существованию, утвержденным постановлением Правительства РФ от 31 мая 2010 г. № 370, и рядом других законов и нормативных правовых актов, применимых к консульской службе.

В соответствии с Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их соблюдение и защита – обязанностью государства. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. говорится, что «Россия, приверженная универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человек, видит свои задачи в том, чтобы обеспечивать дальнейшее комплексное развитие в соответствии с современными требованиями дипломатической и консульской защиты российских граждан, пребывающих за рубежом, в пределах, допускаемых международным правом и международными договорами Российской Федерации, в целях повышения ее эффективности, включая меры по расширению сети заграничных консульских учреждений».

Соответственно, обязанность обеспечивать защиту прав и свобод граждан исполняется не только в пределах государства, но и за его пределами зарубежными органами внешних сношений.

Согласно Положению о МИД РФ к ведению МИД в деле обеспечения консульской службы относится организация на территории Российской Федерации и за рубежом консульской работы; оказание в установленном порядке консульских, информационно-консультационных и иных видов услуг.

Более подробно деятельность российских консульских учреждений регламентируется в Положении о Консульском учреждении РФ и Консульском уставе РФ.

Согласно Консульскому уставу РФ консульскую деятельность осуществляют консульские учреждения РФ и консульские отделы дипломатических представительств РФ, а также Консульский департамент МИД России. Данный документ определяет правовые основы осуществления консульской деятельности, права и обязанности консульских должностных лиц по защите прав и интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц за пределами России. Он направлен на «актуализацию правовой базы консульской деятельности в условиях значительно возросшего количества граждан Российской Федерации, выезжающих за рубеж на короткий срок или проживающих там постоянно»¹.

Согласно ст. 1 Консульского устава РФ «консульская деятельность осуществляется в целях защиты прав и интересов Российской Федерации, принятия Российской Федерацией мер к тому, чтобы граждане Российской Федерации и российские юридические лица пользовались за пределами Российской Федерации правами, установленными Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, участниками которых являются Российская Федерация и государство пребывания, законодательством Российской Федерации и законодательством государства пребывания. Консульская деятельность направлена на содействие развитию добрососедских и дружественных отношений Российской Федерации с другими государствами, расширению экономических, торговых, научно-технических, культурных и иных связей».

В Консульском уставе РФ подробно раскрываются консульские функции, правовой статус, привилегии и иммунитеты консульских учреждений и их сотрудников, а также правовой статус и функции почетных (нештатных) консулов Российской Федерации за рубежом.

¹ Торшина О. М. Тенденции развития консульского права // Московский журнал международного права. 2009. № 2. С. 267. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-2-263-282.

К числу консульских функций Консульским уставом РФ отнесено также принятие мер в области санитарной, фитосанитарной и ветеринарной защиты и мер по учету, обеспечению сохранности и благоустройству российских воинских и гражданских захоронений, установленных на них памятников, памятных знаков и других мемориальных сооружений, находящихся в пределах консульского округа.

Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. допускает расширение консульских функций в соответствии с национальным законодательством или на основе двусторонних соглашений. Так, в ст. 5 Конвенции предусмотрена возможность выполнения консульскими учреждениями других функций, которые не запрещаются законами и правилами государства пребывания или против выполнения которых государство пребывания не имеет возражений или же которые предусмотрены международными договорами, действующими между представляемым государством и государством пребывания.

В Положении о Консульском учреждении РФ некоторые консульские функции описаны намного подробнее, чем в Консульском уставе РФ. Например, в разд. II «Основные задачи и функции консульского учреждения» детально представлены функции по совершению нотариальных действий, регистрации актов гражданского состояния, выдаче российским гражданам документов, удостоверяющих личность. Важно отметить и функцию судебного представительства: по смыслу данного Положения консулы осуществляют представительство или обеспечение надлежащего представительства граждан РФ в судебных и иных учреждениях государства пребывания с соблюдением законодательства государства пребывания, если в связи с отсутствием или по другим причинам такие граждане не в состоянии своевременно осуществить защиту своих прав и интересов.

Правовые документы СНГ, применимые к деятельности консульских учреждений

Особый интерес в правовой регламентации консульских отношений Российской Федерации с государствами-участниками СНГ представляют правовые документы самой организации. К их числу можно отнести Устав СНГ 1993 г., Минскую конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., Конвенцию СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г., Конвенцию об упрощенном порядке приобретения гражданства 1996 г., Соглашение о порядке въезда граждан государств-участников СНГ в государства, не входящие в СНГ, и выезда из них 1997 г., Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией 1998 г., Модельный закон СНГ от 9 декабря 2000 г. № 16-9 «О консульских учреждениях» (далее – Модельный закон), Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанную в Кишиневе 7 октября 2002 г. (далее – Кишиневская конвенция), и ряд двусторонних консульских конвенций и соглашений между государствами-участниками СНГ по вопросам, применимым к консульской деятельности.

Согласно Модельному закону под консульскими учреждениями следует понимать генеральное консульство, вице-консульство, консульское агентство и консульскую службу дипломатического представительства. Главы консульских учреждений государств подразделяются на четыре класса: генеральных консулов, консулов, вице-консулов, консульских агентов. Консульской службой дипломатического представительства государства руководит начальник консульской службы, который по должности является генеральным консулом или консулом.

В соответствии с Модельным законом на консульские учреждения возложены следующие функции: защита законных прав и интересов граждан и юридических лиц представляемого государства в государстве пребывания; учет граждан представляемого государства, постоянно проживающих или временно находящихся на территории консульского округа; ознакомление граждан, временно находящихся на территории консульского округа, с интересующими их законодательными актами государства пребывания, а также с местными обычаями; проведение культурно-просветительных мероприятий для находящихся в консульском округе граждан представляемого государства; оказание помощи и защиты гражданам представляемого

государства, находящимся под арестом, задержанным, лишенным свободы или отбывающим наказание в иной форме; паспортно-визовые функции; регистрации актов гражданского состояния; нотариальные действия, легализация документов и др.

Особый интерес вызывает положение Модельного закона о том, что в странах, где нет дипломатических представительств государства и где оно не представлено представителем третьего государства, консульское должностное лицо может с согласия государства пребывания и без изменения своего консульского статуса пользоваться полномочиями на осуществление дипломатических актов (ст. 7).

Согласно Модельному закону консул может выполнять и иные функции, если они не запрещены законодательством государства пребывания или против выполнения которых не возражает государство пребывания или которые предусмотрены международным договором, участниками которого являются представляемое государство и государство пребывания (ст. 6).

Новой для консульской практики является норма Модельного закона, предусматривающая обязанность консула не реже одного раза в год совершать объезд консульского округа. Докладная записка об объезде должна быть направлена Министерству иностранных дел и посольству представляемого государства в государстве пребывания.

Важным документом в деле защиты прав и интересов граждан государств-участников СНГ является Кишиневская конвенция. Правовая защита в рамках этой конвенции касается личных и имущественных прав граждан. Одним из ее ключевых положений для деятельности консульских учреждений является отмена требований легализации документов, выданных на территории одной из договаривающихся сторон (ст. 12).

Вклад двусторонних консульских конвенций между государствами-участниками СНГ в развитие консульских отношений

Тенденция к заключению консульских конвенций наблюдается с XVIII–XIX вв. К числу первых двусторонних консульских конвенций относятся франко-испанская (1769 г.) и франко-американская (1788 г.)¹.

Россия стала правопреемницей СССР в отношении примерно 70 двусторонних консульских конвенций и договоров и заключила еще 18 консульских конвенций: со всеми странами СНГ, кроме Республики Таджикистан, а также с Республикой Корея, Польшей, Литвой, Эстонией, Латвией, Болгарией, Албанией и Индией². Образцом для этих документов во многом стала Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г.³

В консульских конвенциях между государствами-участниками СНГ статус консульских должностных лиц нередко приравнивается к статусу дипломатических агентов, почетным консульским учреждениям предоставляется возможность выполнять полный перечень консульских функций наравне со штатными консульскими учреждениями.

Например, в консульских конвенциях Российской Федерации с Азербайджанской Республикой, Республикой Узбекистан, Туркменистаном, Республикой Казахстан иммунитет от юрисдикции государства пребывания консульских должностных лиц практически совпадает с иммунитетом от юрисдикции дипломатических агентов, предусмотренным ст. 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. В ст. 18 и 19 Консульской конвенции между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 6 июня 1995 г. консульские должностные лица применительно к их личной неприкосновенности и иммунитету от юрисдикции государства пребывания приравниваются к дипломатическим агентам⁴.

¹ *Бобылев Г. В.* Консульское право: учеб. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 14.

² *Ганюшкин Б. В.* Правовое положение консульств и их персонала // Московский журнал международного права. 1999. № 3. С. 168. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1999-3-166-174>.

³ *Лебедева О. В.* Консульская служба Российской Федерации на современном этапе: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М: Аспект Пресс, 2019. С. 49.

⁴ *Алиев Х. М.* Правовые основы защиты консульским учреждением прав и интересов граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 69.

В ряде договоров иммунитеты и привилегии, предоставляемые самим консульским учреждениям, в частности, в связи с обеспечением неприкосновенности консульских помещений, очень схожи. При этом мнения государств по вопросу о применении принципа неприкосновенности помещений и его нормативном закреплении во внутреннем законодательстве или двусторонних конвенциях расходятся¹.

В некоторых консульских конвенциях, в частности заключенных Россией с Республикой Армения, Грузией, Кыргызской Республикой, Республикой Узбекистан, Республикой Беларусь, Туркменистаном, содержится «пожарная оговорка»². Так, в Консульской конвенции между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой от 25 января 1994 г. говорится, что «власти государства пребывания не могут вступать в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для работы консульского учреждения, иначе как с согласия главы консульского учреждения, главы дипломатического представительства государства или назначенного одним из них лица. Если не будет прямого отказа со стороны лиц, упомянутых в настоящем пункте, то в случае пожара или другого стихийного бедствия, требующего неотлагательных мер защиты, власти государства пребывания могут вступать в консульские помещения. Однако властям не разрешается ни в коем случае нарушать принципы неприкосновенности архива консульских помещений и, в особенности, изучать или конфисковать его» (ст. 13). В Консульской конвенции между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 6 июня 1995 г. говорится, что в случае пожара или иного стихийного бедствия, требующего неотлагательных мер, власти государства пребывания могут вступать в консульские помещения, если не будет прямого отказа со стороны главы консульского учреждения или главы дипломатического представительства³.

В некоторых консульских конвенциях между странами СНГ «пожарная оговорка» отсутствует. Так, согласно Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Молдова от 14 июня 1994 г. «консульские учреждения и жилые помещения работников консульского учреждения неприкосновенны. Власти государства пребывания не могут вступать в консульские помещения и жилые помещения работников консульского учреждения без согласия главы консульского учреждения или главы дипломатического представительства представляемого государства в государстве пребывания или лица, назначенного одним из них» (ст. 29).

Государства-участники СНГ в двусторонних консульских конвенциях придают особую значимость защите прав и интересов граждан. Консул должен следить, чтобы в отношении граждан представляемого государства строго соблюдались процессуальные нормы, обеспечивающие их право на защиту и объективный ход расследования обстоятельств дела, а также международные стандарты в области защиты прав человека и гражданина⁴.

Одной из функций по защите прав и интересов граждан представляемого государства в государстве пребывания является оказание помощи в случае ареста, задержания гражданина представляемого государства или ограничения его свободы в любой иной форме. Консульское должностное лицо вправе посещать этого гражданина и оказывать ему правовую помощь. Сроки и порядок посещения четко оговорены в двусторонних консульских конвенциях Российской Федерации с Республикой Молдова от 14 июня 1994 г. (ст. 12), Республикой Беларусь от 24 января 1995 г. (ст. 39), Республикой Армения от 22 декабря 1992 г. (ст. 38) и др.

В Консульской конвенции между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 6 июня 1995 г. сказано, что если какой-либо гражданин представляемого государства арестован на территории консульского округа, компетентные органы государства пребывания неотлагательно в срок до четырех суток уведомляют

¹ Ильин Ю. Д. Основные тенденции в развитии консульского права. М.: Юрид. лит., 1969. С. 127.

² Согласно Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. под «пожарной оговоркой» следует понимать право властей государства вступать в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для работы консульского учреждения, с предполагаемого согласия главы консульского учреждения в случае пожара или другого стихийного бедствия, требующего неотлагательных мер защиты (п. 2 ст. 31).

³ Алиев Х. М. Указ. соч. С. 73.

⁴ Бобылев Г. В. Указ. соч. С. 33.

об этом консульское учреждение представляемого государства. Любое сообщение, адресуемое этому консульскому учреждению гражданином представляемого государства, находящимся под арестом, безотлагательно передается органами государства пребывания этому консульскому учреждению. Консульское должностное лицо имеет право посещать находящегося под арестом гражданина представляемого государства для беседы с ним, а также для принятия мер к обеспечению для него юридического представительства. Разрешение на первое из этих посещений дается в срок до трех суток. Консульские должностные лица воздерживаются от принятия любых мер от имени находящегося под арестом гражданина представляемого государства, если данный гражданин в присутствии консульского должностного лица прямо возражает против таких действий. Государство пребывания информирует граждан представляемого государства, находящихся под стражей или подлежащих суду или иному разбирательству, о положениях настоящей статьи, о чем делается соответствующая запись в материалах уголовного дела (ст. 39).

Схожие обязательства закреплены в Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Молдова от 14 июня 1994 г., где установлено, что власти государства пребывания должны незамедлительно уведомить арестованного, задержанного или лишённого свободы в иной форме гражданина представляемого государства о положениях пп. 1 и 2 ст. 12. В соответствии с этими пунктами уполномоченные органы государства пребывания обязаны оповестить консульское учреждение о факте ареста, задержания или иного ограничения свободы гражданина представляемого государства и должны в возможно короткий срок организовать встречу консульского должностного лица с указанным гражданином.

В целом речь идет о фиксации факта задержания, ареста или заключения гражданина представляемого государства и принятии мер для встречи с ним, обеспечении его надлежащей юридической помощью, содействию в пределах, допускаемых международными нормами и законодательством государства пребывания, в передаче адресованных гражданину представляемого государства корреспонденции и посылок¹.

Таким образом, на постсоветском пространстве наблюдается тенденция к усилению роли двусторонних консульских конвенций в развитии консульских отношений между государствами. Это обусловлено тем, что консульские конвенции позволяют государствам на основе взаимности скорректировать некоторые универсальные нормы в области консульского права, предусмотренные в первую очередь Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г.² Основной целью подобных нововведений является повышение эффективности деятельности консульских учреждений, направленной на защиту прав и законных интересов как самих государств, так и их граждан и юридических лиц. Заключенные в последнее время двусторонние международные соглашения по вопросам, касающимся осуществления консульских функций, вносят значительный вклад не только в консульскую практику государств, но и в развитие консульского права в целом³.

Список литературы

Абашидзе А. Х., Чистоходова И. А. Дипломатическое и консульское право: учеб. пособие. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2015. 257 с.

Алиев Х. М. Правовые основы защиты консульским учреждением прав и интересов граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 150 с.

Бобылев Г. В. Консульское право: учеб. М.: Юрлитинформ, 2010. 191 с.

Ганюшкин Б. В. Правовое положение консульств и их персонала // Московский журнал международного права. 1999. № 3. С. 166–174. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1999-3-166-174>.

Долгов В. И. Консульская служба Российской Федерации на современном этапе: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2011. 184 с.

¹ Искевич И. С., Белов А. С. Задачи и функции консульских учреждений Российской Федерации // Экономика, социология и право. 2015. № 2. С. 106–108.

² Абашидзе А. Х., Чистоходова И. А. Дипломатическое и консульское право: учеб. пособие. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2015. С. 67.

³ Котляр В. С. Роль консульских функций в современном мире и их правовая основа // Молодой ученый. 2014. № 6. С. 560–563.

Ильин Ю. Д. Основные тенденции в развитии консульского права. М.: Юрид. лит., 1969. 151 с.
Искевич И. С., Белов А. С. Задачи и функции консульских учреждений Российской Федерации // Экономика, социология и право. 2015. № 2. С. 106–108.

Котляр В. С. Роль консульских функций в современном мире и их правовая основа // Молодой ученый. 2014. № 6. С. 560–563.

Лапин Г. Э. Консульская служба: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Междунар. отношения, 2012. 244 с.

Лебедева О. В. Консульская служба Российской Федерации на современном этапе: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2019. 208 с.

Торшина О. М. Тенденции развития консульского права // Московский журнал международного права. 2009. № 2. С. 263–282. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-2-263-282.

References

Abashidze A. Kh., Chistokhodova I. A. (2015) *Diplomaticheskoe i konsul'skoe pravo* [Diplomatic and consular Law]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov, 257 p.

Aliev Kh. M. (2014) *Pravovye osnovy zashchity konsul'skim uchrezhdeniem prav i interesov grazhdan i yuridicheskikh lits: dis. ... kand. yurid. nauk* [The legal basis for the protection of the rights and interests of citizens and legal entities by a consular institution: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 150 p.

Bobylev G. V. (2010) *Konsul'skoe pravo* [Consular law]. Moscow, Yurlitinform, 191 p.

Dolgov V. I. (2011) *Konsul'skaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape* [Consular service of the Russian Federation at the present stage]. Moscow, MGIMO-Universitet, 184 p.

Ganyushkin B. V. (1999) *Pravovoe polozhenie konsul'stv i ikh personala* [Legal status of consulates and their staff]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 3, pp. 166–174, DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1999-3-166-174>.

Il'in Yu. D. (1969) *Osnovnye tendentsii v razvitii konsul'skogo prava* [Main trends in the development of consular law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 151 p.

Iskevich I. S., Belov A. S. (2015) *Zadachi i funktsii konsul'skikh uchrezhdenii Rossiiskoi Federatsii* [Tasks and functions of consular institutions of the Russian Federation]. In *Ekonomika, sotsiologiya i pravo*, no. 2, pp. 106–108.

Kotlyar V. S. (2014) *Rol' konsul'skikh funktsii v sovremennom mire i ikh pravovaya osnova* [The role of consular functions in the modern world and their legal basis]. In *Molodoi uchenyi*, no. 6, pp. 560–563.

Lapin G. E. (2012) *Konsul'skaya sluzhba* [Consular service], 3rd ed., reprint. and add. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 244 p.

Lebedeva O. V. (2019) *Konsul'skaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape* [Consular service of the Russian Federation at the present stage], 2nd ed., add. Moscow, Aspekt Press, 208 p.

Torshina O. M. (2009) *Tendentsii razvitiya konsul'skogo prava* [Consular law trends]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 263–282, DOI: 10.24833/0869-0049-2009-2-263-282.

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ НАЛОГА ДЛЯ УСКОРЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ОПЫТ РОССИИ И НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Гильмутдинова Дарина Арысланбаевна

Магистрант Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва),
ORCID: 0000-0002-9868-6949, e-mail: gilmutdinovadarinaArs@yandex.ru.

Агеев Станислав Сергеевич

Доцент кафедры административного и финансового права
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва),
кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9593-7645, e-mail: stas555ag@mail.ru.

Налог выполняет несколько функций: фискальную, регулируемую, контролируемую, и соотношение данных элементов зависит от целей, преследуемых законодателем. Для большинства государств приоритетным является создание благоприятной среды для осуществления предпринимательской деятельности, в связи с чем в последние годы усиливается роль регулирующей функции налога, которая позволяет опосредованно воздействовать на отношения, прямо не урегулированные налоговым законодательством. Для стабильного экономического роста представляется целесообразным использовать стимулирующую подфункцию регулирующей функции налога, а также расширить «инструментарий» налоговых льгот, предусмотренных в законодательстве РФ, добавив к вычетам, пониженным ставкам, освобождениям от уплаты налогов, уменьшениям налоговой базы налоговые кредиты. При этом полезно обратиться к опыту реализации регулирующей функции налогообложения в Новой Зеландии.

Ключевые слова: налоговая льгота, налоговый вычет, налоговый кредит, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, регулирующая функция налога, налоговый механизм

Для цитирования: Гильмутдинова Д. А., Агеев С. С. Реализация регулирующей функции налога для ускорения модернизации экономики: опыт России и Новой Зеландии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 13–20. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_13.

REALIZATION OF THE REGULATORY FUNCTION OF TAX TO ACCELERATE ECONOMIC MODERNIZATION IN RUSSIA AND NEW ZEALAND

Gilmutdinova Darina

Master student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow), ORCID: 0000-0002-9868-6949, e-mail: gilmutdinovadarinaArs@yandex.ru.

Ageev Stanislav

Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9593-7645, e-mail: stas555ag@mail.ru.

A tax performs several functions: fiscal, regulatory and controlling, and the ratio of these elements depends on the goals pursued by the legislator. For most states, the

priority is to create a favourable environment for entrepreneurial activities. Therefore, in recent years, the role of the regulatory function of tax, which allows for an indirect impact on relations not directly regulated by tax legislation, has been strengthened. For stable economic growth, it seems appropriate to use the stimulating sub-function of the regulatory function of tax, as well as to expand the «toolkit» of tax benefits provided for in the Russian legislation by adding tax credits to deductions, reduced rates, tax exemptions, and tax base reductions. In this case, it is useful to refer to the experience of implementing the regulatory function of taxation in New Zealand.

Key words: tax benefits, tax deduction, tax credit, research and development, regulator function of tax, fiscal mechanism

For citation: Gilmutdinova D., Ageev S. (2023) Realization of the regulatory function of tax to accelerate economic modernization in Russia and New Zealand. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 13–20, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_13.

Одной из приоритетных задач государства является создание благоприятной обстановки для осуществления предпринимательской деятельности. Так, в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию уделяется особое внимание устранению различных препятствий, которые ограничивают свободу и инициативу предпринимательства, а также поддержке малого и среднего предпринимательства¹.

Для решения упомянутой выше задачи может быть использован налоговый механизм, представляющий собой совокупность форм и методов регулирования различных сторон налоговых отношений, действие и структура которого обусловлены особенностями государственного управления финансами². Именно большой потенциал и гибкость данного механизма позволяют устанавливать и соблюдать баланс частных и публичных интересов. Усиление международной налоговой конкуренции порождает ситуацию, в рамках которой государства стремятся усовершенствовать свою налоговую систему таким образом, чтобы повысить уровень валового внутреннего продукта (далее – ВВП), увеличить уровень занятости населения, но при этом сохранить и приумножить налоговые поступления в бюджет в долгосрочной перспективе³.

В настоящей статье обратимся к опыту реализации регулирующей функции налогообложения в Новой Зеландии. Эта страна представляет интерес по причине ее высоких экономических показателей⁴, достижение которых, вероятно, обусловлено более совершенным законодательным регулированием, в частности в сфере налогообложения.

Эффективность налогового механизма Новой Зеландии признается на международном уровне. Она занимает третье место в рейтинге международной налоговой конкурентоспособности (*International Tax Competitiveness Index, ITCI*) среди стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития⁵, составленного организацией *Tax Foundation*, перед которой стоит цель выработки наилучшей налоговой политики⁶.

¹ См., например: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. // Президент Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 06.06.2022).

² Преснякова Е. А. Налоговый механизм формирования доходов бюджета и его совершенствование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 6.

³ Герасименко Н. В. Международная налоговая конкуренция: правовой аспект // Современная конкуренция. 2007. № 3. С. 109.

⁴ ВВП России и Новой Зеландии, по данным Всемирного банка на 2020 г., составляют 1483 млрд долл. и 210,7 млрд долл. соответственно. При этом ВВП на душу населения за тот же самый период в России – 26 079 долл., а в Новой Зеландии – 40 261 долл., т. е. показатель ВВП на душу населения второго государства в полтора раза выше показателя первого.

⁵ International Tax Competitiveness Index // Tax Foundation: website. URL: <https://taxfoundation.org/country/new-zealand/#itci> (дата обращения: 08.06.2022).

⁶ URL: <https://taxfoundation.org/about-us/> (дата обращения: 08.06.2022).

Всемирный банк организовал проект «*Doing Business*», в рамках которого на основе единой методики проводит оценку правил ведения предпринимательской деятельности в государствах¹. По данным за 2019 г., Новая Зеландия занимает первое место по критерию простоты ведения бизнеса, а Россия находится на 28-й строчке. По критерию, связанному с влиянием налогообложения на ведение предпринимательской деятельности², Новая Зеландия находится на девятой позиции, а Россия – на 58-й³. Однако данные позиции в рейтингах вовсе не означают, что практика налогового регулирования в Новой Зеландии во всех аспектах лучше, чем в России.

Налог может выполнять несколько функций, использование которых дает государству возможность осуществлять свою политику максимально эффективно. Налог – это инструмент для воздействия на отношения, не составляющие предмет налогового права. Налоговое законодательство, таким образом, позволяет перенаправлять финансовые потоки для решения государственных задач. Возникающие при этом материальные стимулы побуждают субъектов экономической деятельности выбирать максимально выгодный для них порядок действий. Следовательно, такое воздействие на поведение субъекта экономической деятельности будет встречать меньше сопротивления с его стороны, так как мотивом для него будет экономическая выгода, а не только страх наступления ответственности или конформизм.

В рамках теории налогового права существуют разные походы к определению функций налогов. Так, Ю. А. Крохина и Е. Ю. Грачева называют следующие функции налога: фискальную, регулирующую и контролируемую⁴. Ученые советского периода, в частности С. Д. Цыпкин, дополнительно выделяют социальную, или перераспределительную, функцию⁵. М. О. Клейменова к перечисленным выше добавляет поощрительную функцию⁶. Г. В. Петрова указывает на существование конституционной, координирующей, стимулирующей, межотраслевой, правовой и внешнеэкономической функций⁷. Некоторые авторы также выделяют воспроизводственную функцию налога, которая заключается в финансовом обеспечении воспроизводства природных ресурсов.

Зарубежные исследователи, говоря о функциях налога, используют термин «цель»⁸. Так, Р. С. Ави-Йона при рассмотрении потенциальной возможности замены подоходного налогообложения обложением потребления акцентирует внимание на фискальной цели, прямо не называя таковую, но связывая ее с формированием дохода государственного бюджета. Автор упоминает также перераспределительную и регулятивную цели⁹.

Тем самым большинство исследователей сходятся во мнении, что налогам присущи три функции: фискальная, регулирующая и контрольная.

Бесспорно, основная функция налога фискальная, она появилась раньше всех остальных и является прямым выражением сущности налога как формы изъятия части доходов субъекта экономической активности для осуществления целей государства. Л. М. Бабурян и Ю. В. Зотова, представляя позицию экономической науки, ука-

¹ URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/about-us> (дата обращения: 06.06.2022).

² Djankov S., Ganser T., McLiesh C., Ramalho R., Shleifer A. The Effect of Corporate Taxes on Investment and Entrepreneurship // American Economic Journal: Macroeconomics. 2010. Vol. 2. № 3. P. 34.

³ Рейтинг стран // Всемирный банк: сайт. URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения: 06.06.2022).

⁴ Налоговое право России: учеб. / отв. ред. Ю. А. Крохина. 5-е изд., испр. М.: Норма : ИНФРА-М, 2015. С. 132–134; Налоговое право: учеб. для среднего профессионального образования / под ред. Е. Ю. Грачевой, О. В. Болтиновой. М.: Норма : ИНФРА-М, 2021. С. 13–15.

⁵ Цыпкин С. Д. Налог как институт советского финансового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. С. 89.

⁶ Клейменова М. О. Налоговое право: учеб. пособие. М.: Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2013. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kleimenova_mo_nalogovoe_pravo/ (дата обращения: 06.06.2022).

⁷ Петрова Г. В. Формирование институтов налогового законодательства: концептуальный аспект // Журнал российского права. 1997. № 7. С. 43–49.

⁸ См., например: Schön W. EU Tax Law: An Introduction // Working Paper of the Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance. 2019. № 2019-12. P. 79. URL: <https://ssrn.com/abstract=3432273> (дата обращения: 01.10.2022).

⁹ Avi-Yonah R. S. The Three Goals of Taxation // Tax Law Review. 2006. Vol. 60. Is. 1. P. 5–7.

зывают, что все функции налогов в той или иной степени производны от его первой функции¹.

В современном социально ориентированном государстве фискальная функция «поглотила» перераспределительную функцию, так как государство аккумулирует, распределяет и использует средства в рамках обязанностей, возложенных на него и закрепленных основным законом государства. При этом некоторые авторы отождествляют фискальную и регулирующие функции².

Соотношение фискальной и регулирующих функций может меняться в зависимости от целей, преследуемых государством. В некоторых случаях вторая функция способствует реализации первой. Например, государство может сконцентрироваться на регулирующих функциях, чтобы в долгосрочной перспективе было возможно осуществление фискальной функции. Однако регулирующие функции могут вступить в противоречие с фискальной – например, в ситуации, когда не создается достаточных экономических стимулов для эффективной реализации фискальной функции³.

Контрольная функция представляет собой использование налога в качестве инструмента контроля финансово-хозяйственной деятельности⁴. Данная функция реализуется налоговыми органами, так как именно они уполномочены осуществлять контроль исполнения законодательства о налогах и сборах отдельным предпринимателем. Это проявление контрольной функции налога в узком смысле. В широком смысле последняя может выражаться в том, что налоговый орган аккумулирует достаточный объем информации о деятельности всей совокупности экономических субъектов, что позволяет органу, осуществляющему разработку законодательства в сфере налогов и сборов, проследить, как законодательные нововведения влияют на эффективность и экономическую стабильность деятельности данных субъектов.

Контроль является важнейшей частью государственного управления, поскольку позволяет получить обратную связь, без которой невозможно качественно осуществлять управление. Субъект, на который возложены управленческие функции, может принимать любые меры воздействия, но в случае неисполнения его указаний либо отсутствия достоверной информации о результатах проводимой политики такие меры не будут должным образом реализованы.

Соотношение контрольной и регулирующих функций налогов можно представить следующим образом: регулирующие функции оказывают непосредственное воздействие на общественные отношения, а контрольная функция обеспечивает качественную реализацию воли законодателя.

Если рассматривать контрольную функцию налога в широком смысле, то она является обеспечительной по отношению к регуливающим функциям. Любое воздействие имеет последствия, а для качественной реализации регулирующих функций, которая выражается в достижении результата, предвосхищаемого законодателем, необходим контроль.

Выделяют стимулирующую, дестимулирующую, поощрительную, воспроизводственную функции налога как частные проявления регулирующих функций, т. е. ее подфункции.

Стимулирующая подфункция предполагает предоставление льгот и преференций для воздействия на экономическую активность субъектов предпринимательской деятельности⁵. Примером может служить установление повышающего коэффициента на

¹ Бабурян Л. М. Налоговое консультирование как инструмент поддержки деловой активности организации // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 4. С. 151; Зотова Ю. В. Социально-экономический механизм регулирования налоговой системы // Вестник РГСУ. 2010. № 6. С. 173.

² Чернявский С. В., Шерварли И. А. Проблемы усиления стимулирующего воздействия системы налогообложения нефтегазовых доходов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 113–114. DOI: 10.17223/19988648/40/10; Дадашев А. З. О налоговой политике в контексте формирования инновационной модели экономического роста // Финансы и кредит. 2008. № 34. С. 35.

³ Тасалов К. А. Теория функций налогов: сравнительный анализ подходов отечественной юриспруденции и правовой доктрины Европейского союза // Финансовое право. 2021. № 11. С. 27.

⁴ Баринов А. С. Юридические и экономические подходы к определению функций налога // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 34. С. 189.

⁵ Александрова А. С., Нуштаева С. А., Полякова М. А. Проявление стимулирующей функции в рамках налогообложения хозяйствующих субъектов налогом на добавленную стоимость // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. тр. Двадцать первой междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 17 июня

расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Такой коэффициент может стать стимулом для осуществления расходов по данным направлениям, которые, в свою очередь, стимулируют развитие науки в государстве.

Дестимулирующая подфункция состоит в увеличении налоговой нагрузки для воздействия на экономическую активность субъектов предпринимательской деятельности, что повышает конечную стоимость товара или услуги. Становится меньше лиц с достаточным покупательским потенциалом, и потребление таких товаров или услуги закономерно сокращается. Может сложиться впечатление, что антагонистичность данных подфункций исключает их одновременную реализацию, однако стимулирование и дестимулирование могут быть сторонами одного явления. Так, повышение ставки акциза на товары, которые наносят вред здоровью, будет, с одной стороны, дестимулирующим в аспекте снижения покупательской способности и вынужденного сокращения потребления таких товаров, а с другой – стимулирующим рост средних показателей здоровья граждан государства. По мнению некоторых исследователей, стимулирующую и дестимулирующую подфункции выполняют не только акцизы, но и, например, налог на недвижимость¹.

С точки зрения Ю. В. Зотовой, поощрительная подфункция заключается в приспособлении налоговых механизмов для реализации социальной политики государства². Но не свидетельствует ли это о том, что государство через налоги, точнее, через предоставляемые льготы оказывает воздействие на поведение своих граждан? Эти поощрения стимулируют такое поведение граждан, которое связано с выгодой не только для налогоплательщика, но и для общества в целом (речь идет, например, о налоговых льготах ветеранам боевых действий).

Воспроизводственная подфункция предполагает, что налоги позволяют аккумулировать финансовые средства для воспроизводства природных ресурсов. Поскольку один из основных постулатов экономики гласит, что потребности человечества бесконечны, а ресурсы ограничены, то государство вынуждено воздействовать на «аппетиты» их потребителя, а также брать на себя ответственность за восстановление возобновляемых ресурсов или разумное потребление невозобновляемых.

Обложение доходов организаций в России осуществляется посредством установления налога на прибыль организаций в соответствии с Налоговым кодексом РФ, а в Новой Зеландии схожий налог предусмотрен в Законе «О подоходном налоге» 2007 г.³ Для удобства далее оба налога будут именоваться НПО (налог на прибыль организаций).

Регулирующая функция налога, в частности ее стимулирующая подфункция, ярко проявляется при установлении налоговых льгот. Например, в Новой Зеландии базовая ставка по НПО представляет достаточно высокую – 28 %, но средний объем налоговых льгот достигает 50,2 %⁴.

Государства стремятся быть лидерами в области науки и новых технологий, так как именно это обеспечивает стабильное развитие экономики. Модернизация экономики невозможна без системного внедрения новых технологий во все сферы хозяйства. Но такая деятельность требует от хозяйствующего субъекта затрат, которые он не всегда заинтересован осуществлять, а при наличии заинтересованности не всегда располагает должным количеством финансовых ресурсов. Соответственно, перед государством возникает задача мотивировать субъектов предпринимательства осуществлять финансирование научно-исследовательской деятельности. Чем больше исследований и разработок будет проводиться, тем выше вероятность совершения научных прорывов.

2019 г.). Белгород: ГИК, 2019. С. 251; *Шогунбеков М. В.* Смежные особенности стимулирующей и фискальной функции налогов в переходной экономике // Вестник Педагогического университета. 2015. № 1-1. С. 188.

¹ *Стукина В. В.* Становление налогообложения недвижимого имущества // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1-3. С. 103–104.

² *Зотова Ю. В.* Указ. соч. С. 173–175.

³ Income Tax Act 2007 (version as at 16 March 2022) // New Zealand Legislation. URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/2007/0097/latest/DLM1512301.html?search=qs_act%40bill%40regulation%40deemedreg_corporate+tax_rese_l_25_h&p=1&sr=1 (дата обращения: 09.06.2022).

⁴ Tax rates for businesses // Inland Revenue. URL: <https://www.ird.govt.nz/income-tax/income-tax-for-businesses-and-organisations/tax-rates-for-businesses> (дата обращения: 05.06.2022).

Налоговое законодательство Российской Федерации предусматривает налоговый вычет, равный сумме расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (далее – НИОКР), а в некоторых случаях позволяет применить к данной сумме коэффициент 1,5¹.

В Новой Зеландии существует два вида льгот: налоговый вычет и налоговый кредит. Наибольший интерес вызывает кредит, который предоставляется при годовых затратах в размере не менее 50 тыс. новозеландских долларов, но максимальная сумма затрат, заявляемых для получения вычета, не должна превышать 120 млн новозеландских долларов. Лицо, заявившее затраты на НИОКР, получает налоговый кредит в размере 15 % этих затрат².

Рассмотрим, как на практике работают налоговые льготы. В России если расходы на НИОКР составляют 50 тыс. ед., а налогооблагаемый доход – 500 тыс. ед., то уплате подлежит сумма налога в 90 тыс. ед. В Новой Зеландии при тех же условиях подлежащая уплате сумма налога – 118,5 тыс. ед. На первый взгляд кажется, что в Новой Зеландии более высокая налоговая нагрузка даже при наличии двух льгот. Но если при прочих равных условиях сумма расходов на НИОКР увеличивается, то и сумма налога, подлежащая уплате, будет меньше, чем в России, несмотря на больший размер ставки НПО. Ниже приведена таблица с расчетом суммы налога, подлежащего уплате при налогооблагаемом доходе 500 тыс. ед.

Расходы на НИОКР, ед.	Сумма, подлежащая уплате, ед.	
	Россия	Новая Зеландия
50 000	90 000	118 500
100 000	80 000	97 000
150 000	70 000	75 500
200 000	60 000	54 000
250 000	50 000	32 500
300 000	40 000	11 000

Такие льготы позволяют налогоплательщикам оплачивать дорогостоящие исследования и нести сопутствующие им затраты, так как в год их осуществления сумма налога, подлежащая уплате, будет значительно уменьшена.

В законодательстве Новой Зеландии прямо закреплена цель, преследуемая государством при предоставлении данной льготы, – стимулирование деятельности по созданию новых или усовершенствованных процессов, услуг или товаров.

В России также признается высокое значение развития науки и технологий как части системы национальной безопасности государства³, но наша страна ищет иные пути устойчивого расширения производственных возможностей. Так, внимание акцентируется на бюджетной политике в части изменения структуры бюджетных расходов⁴. Вместе с тем можно рассмотреть вариант, предполагающий временное сокращение налоговых доходов бюджета. За счет высвободившихся средств субъект предпринимательской деятельности сможет произвести необходимые ему расходы

¹ Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 988 «Об утверждении перечня научных исследований и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с пунктом 7 статьи 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5».

² Research and Development Tax Incentive: Guidance // Inland Revenue. 2021. December. URL: <https://www.ird.govt.nz-media/project/ir/home/documents/forms-and-guides/ir1200---ir1299/ir1240/research-and-development-tax-incentive-guidance-dec-2021.pdf?modified=20220304012746&modified=20220304012746> (дата обращения: 07.04.2022).

³ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁴ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов // Банк России: сайт. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2022_2024/ (дата обращения: 07.04.2022).

в рамках НИОКР, результаты которых потенциально повысят доходность от деятельности и, следовательно, увеличат сумму налоговых поступлений.

Налог является многофункциональным инструментом воздействия на различные общественные отношения, используемым для решения стоящих перед государством задач. Данная многофункциональность приводит к существованию в науке множества позиций относительно количества и смыслового наполнения налоговых функций. Тем не менее представители современной отечественной науки сходятся во мнении, что налог выполняет три основные функции: фискальную, регулирующую и контрольную. Эти функции тесно взаимосвязаны: контрольная, например, обеспечивает качественную реализацию регулирующей, а фискальная в одних случаях выступает как противоположность, а в иных – как дополнение регулирующей функции.

Регулирующая функция налога имеет комплексный характер, а значит, может быть расщеплена на составляющие – подфункции, отражающие различные аспекты реализации данной функции.

Регулирующая функция налога – ключ к обеспечению безопасности России. Предоставление дополнительного материального стимула в виде налогового кредита, как, например, в Новой Зеландии, позволит налогоплательщику чувствовать себя более уверенно при осуществлении затрат на НИОКР. Это даст положительный эффект также для экономики государства и отечественной науки, так как приток средств из частного сектора экономики позволит активнее проводить научные исследования, результаты которых востребованы бизнесом.

Список литературы

Александрова А. С., Нуштаева С. А., Полякова М. А. Проявление стимулирующей функции в рамках налогообложения хозяйствующих субъектов налогом на добавленную стоимость // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. тр. Двадцать первой междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 17 июня 2019 г.). Белгород: ГиК, 2019. С. 250–253.

Бабурян Л. М. Налоговое консультирование как инструмент поддержки деловой активности организации // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 4. С. 146–152.

Баринов А. С. Юридические и экономические подходы к определению функций налога // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 34. С. 189–194.

Герасименко Н. В. Международная налоговая конкуренция: правовой аспект // Современная конкуренция. 2007. № 3. С. 108–117.

Дадашев А. З. О налоговой политике в контексте формирования инновационной модели экономического роста // Финансы и кредит. 2008. № 34. С. 35–38.

Зотова Ю. В. Социально-экономический механизм регулирования налоговой системы // Вестник РГСУ. 2010. № 6. С. 173–175.

Клейменова М. О. Налоговое право: учеб. пособие. М.: Моск. фин.-пром. ун-т «Синергия», 2013. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kleimenova_mo_nalogovoe_pravo/ (дата обращения: 06.06.2022).

Налоговое право России: учеб. / отв. ред. Ю. А. Крохина. 5-е изд., испр. М.: Норма : ИНФРА-М, 2015. 704 с.

Налоговое право: учеб. для среднего профессионального образования / под ред. Е. Ю. Грачевой, О. В. Болтиновой. М.: Норма : ИНФРА-М, 2021. 152 с.

Петрова Г. В. Формирование институтов налогового законодательства: концептуальный аспект // Журнал российского права. 1997. № 7. С. 43–49.

Преснякова Е. А. Налоговый механизм формирования доходов бюджета и его совершенствование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 151 с.

Стукина В. В. Становление налогообложения недвижимого имущества // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1-3. С. 103–104.

Тасалов К. А. Теория функций налогов: сравнительный анализ подходов отечественной юриспруденции и правовой доктрины Европейского союза // Финансовое право. 2021. № 11. С. 26–28.

Цыпкин С. Д. Налог как институт советского финансового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. 245 с.

Чернявский С. В., Шерварли И. А. Проблемы усиления стимулирующего воздействия системы налогообложения нефтегазовых доходов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 113–123. DOI: 10.17223/19988648/40/10.

Шогунбеков М. В. Смежные особенности стимулирующей и фискальной функции налогов в переходной экономике // Вестник Педагогического университета. 2015. № 1-1. С. 188–195.

Avi-Yonah R. S. The Three Goals of Taxation // Tax Law Review. 2006. Vol. 60. Is. 1. P. 1–28.

Djankov S., Ganser T., McLiesh C., Ramalho R., Shleifer A. The Effect of Corporate Taxes on Investment and Entrepreneurship // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2010. Vol. 2. № 3. P. 31–64.

Schön W. EU Tax Law: An Introduction // Working Paper of the Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance. 2019. № 2019-12. 107 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3432273> (дата обращения: 01.10.2022).

References

Aleksandrova A. S., Nushtaeva S. A., Polyakova M. A. (2019) Proyavlenie stimuliruyushchei funktsii v ramkakh nalogooblozheniya khozyaistvuyushchikh sub'ektov nalogom na dobavlenuyu stoimost' [Manifestation of a stimulating function within the scope of subjects of value added taxation]. In *Nauka i obrazovanie: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt: conference papers*. Belgorod, GiK, pp. 250–253.

Avi-Yonah Reuven S. (2006) The Three Goals of Taxation. In *Tax Law Review*, vol. 60, no. 1, pp. 1–28.

Baburyan L. M. (2018) Nalogovoe konsul'tirovanie kak instrument podderzhki delovoi aktivnosti organizatsii [Tax consulting as a tool to support the business activity of an organization]. In *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, vol. 11, no. 4, pp. 146–152.

Barinov A. S. (2013) Yuridicheskie i ekonomicheskie podkhody k opredeleniyu funktsii naloga [Legal and economic approaches to the definition of tax functions]. In *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*, no. 34, pp. 189–194.

Chernyavskii S. V., Shervarli I. A. (2017) Problemy usileniya stimuliruyushchego vozdeistviya sistemy nalogooblozheniya neftegazovykh dokhodov [Problems connected with stimulating impact strengthening of the taxation system of oil and gas incomings]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 40, pp. 113–123, DOI: 10.17223/19988648/40/10.

Dadashev A. Z. (2008) O nalogovoi politike v kontekste formirovaniya innovatsionnoi modeli ekonomicheskogo rosta [On tax policy in the context of the formation of an innovative model of economic growth]. In *Finansy i kredit*, no. 34, pp. 35–38.

Djankov S., Ganser T., McLiesh C., Ramalho R., Shleifer A. (2010) The Effect of Corporate Taxes on Investment and Entrepreneurship. In *American Economic Journal: Macroeconomics*, vol. 2, no. 3, pp. 31–64.

Gerasimenko N. V. (2007) Mezhdunarodnaya nalogovaya konkurentsia: pravovoi aspekt [International tax competition: legal aspect]. In *Sovremennaya konkurentsia*, no. 3, pp. 108–117.

Gracheva E. Yu., Boltinova O. V. (2021) *Nalogovoe pravo* [Tax law]. Moscow, Norma : INFRA-M, 152 p.

Kleimenova M. O. (2013) *Nalogovoe pravo* [Tax law]. Moscow, Moskovskii finansovo-promyshlennii universitet «Sinergiya», available at: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kleimenova_mo_nalogovoe_pravo/ (accessed: 06.06.2022).

Krokhin Yu. A. (Ed.) (2015) *Nalogovoe pravo Rossii* [Russian tax law], 5th ed. Moscow, Norma : INFRA-M, 704 p.

Petrova G. V. (1997) Formirovanie institutov nalogovogo zakonodatel'stva: kontseptual'nyi aspekt [Formation of tax legislation institutions: conceptual aspect]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 7, pp. 43–49.

Presnyakova E. A. (2002) *Nalogovi mekhanizm formirovaniya dokhodov byudzheta i ego sovershenstvovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The tax mechanism for the formation of budget revenues and its improvement: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 151 p.

Schön W. (2019) EU Tax Law: An Introduction. In *Working Paper of the Max Planck Institute for Tax Law and Public Finance*, no. 2019-12, 107 p., available at: <https://ssrn.com/abstract=3432273> (accessed: 01.10.2022).

Shogunbekov M. V. (2015) Smezhnye osobennosti stimuliruyushchei i fiskal'noi funktsii nalogov v perekhodnoi ekonomike [Related features of promotional and fiscal functions of taxes in a transition economy]. In *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta*, no. 1-1, pp. 188–195.

Stukina V. V. (2014) Stanovlenie nalogooblozheniya nedvizhimogo imushchestva [The formation of real estate taxation]. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 1-3, pp. 103–104.

Tasalov K. A. (2021) Teoriya funktsii nalogov: sravnitel'nyi analiz podkhodov otechestvennoi yurisprudentsii i pravovoi doktriny Evropeiskogo soyuza [The tax function theory: a comparative analysis of approaches of national jurisprudence and the legal doctrine of the European Union]. In *Finansovo-pravo*, no. 11, pp. 26–28.

Tsympkin S. D. (1953) *Nalog kak institut sovetskogo finansovogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Tax as an institution of Soviet financial law: an a candidate of legal sciences thesis], Moscow, 245 p.

Zotova Yu. V. (2010) Sotsial'no-ekonomicheskii mekhanizm regulirovaniya nalogovoi sistemy [Socio-economic mechanism of regulation of the tax system]. In *Vestnik RGSU*, no. 6, pp. 173–175.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОПЫТ МАЛЬТЫ

Рыжкова Екатерина Александровна

Доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения
Московского государственного института международных отношений (Университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва),
кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-0272-8065, e-mail: e.rizhkova@inno.mgimo.ru.

Мельник Святослав Сергеевич

Аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений (Университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва), ORCID: 0000-0001-5771-9743,
e-mail: big-benac@yandex.ru.

В статье рассматривается место международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в системе обеспечения финансовой безопасности государства на примере Мальтийской Республики. Анализируются два основных направления международного сотрудничества Мальты с правоохранительными органами других стран: взаимная правовая помощь по уголовным делам и экстрадиция.

Ключевые слова: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, Мальта, преступность, финансовая безопасность, экстрадиция

Для цитирования: Рыжкова Е. А., Мельник С. С. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: опыт Мальты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 21–26. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_21.

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CRIMINAL PROCEEDINGS: THE EXPERIENCE OF MALTA

Ryzhkova Ekaterina

Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow), candidate of legal sciences,
ORCID: 0000-0003-0272-8065, e-mail: e.rizhkova@inno.mgimo.ru.

Melnik Svyatoslav

Postgraduate, Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow), ORCID: 0000-0001-5771-9743,
e-mail: big-benac@yandex.ru.

The article discusses the place of international cooperation in the field of criminal justice in the system of ensuring the financial security of the state on the example of the Republic of Malta. The authors analyse two main areas of Malta's cooperation with law enforcement agencies of other countries: mutual legal assistance in criminal matters and extradition.

Key words: international cooperation in the field of criminal proceedings, Malta, crime, financial security, extradition

*For citation: Ryzhkova E., Melnik S. (2023) International cooperation in the field of criminal proceedings: the experience of Malta. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 1, pp. 21–26, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_21.*

Преступность охватывает все сферы жизни человека и общества. Обязанность любого государства состоит в выработке способов и средств противодействия тем или иным категориям преступлений. С течением времени преступность стала «размывать» территориальные рамки государств, появились новые вызовы и угрозы, которые требовали от стран взаимодействия, объединения усилий. Ответом на это послужило углубление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Зачастую оно связано с финансовой безопасностью государств, так как для современного мирового сообщества наибольшую угрозу представляют коррупция, вывод активов, полученных незаконным путем, наркопреступления, киберпреступность.

Целью настоящей работы является анализ существующих направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства Мальтийской Республики.

Мальта является уникальной страной, которую относят к смешанной правовой семье. На развитие правовой системы этого государства оказали влияние множество стран, в том числе Англия, Франция и Османская империя. Еще в 1784 г. на Мальте был принят первый кодекс – муниципальный¹, который стал отправной точкой для развития и кодификации практически всех отраслей права. Уголовное право долгое время находилось под сильным влиянием французского права, отрасли же гражданского права постепенно приобретали черты английского права.

Сегодня наиболее актуальными проблемами для Мальты являются киберпреступность (как и для всех стран в наше время) и преступления в сфере экономической деятельности².

Принципы осуществления сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, полномочия органов и отдельных лиц при взаимодействии с представителями других государств установлены в Уголовном кодексе Мальты³.

Рассмотрим два направления международного сотрудничества Мальты с правоохранительными органами других стран: оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам (представляет наибольший интерес для системы финансовой безопасности) и экстрадиция (выдача). Экстрадиция и взаимная правовая помощь по уголовным делам являются элементами системы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, т. е. механизмами, которые обеспечивают национальную безопасность государства и финансовую безопасность как ее составную часть. Без этого инструментария невозможно представить современную систему противодействия преступности, которая включает в себя следующие уровни правового регулирования:

международный (устанавливает общие принципы правового регулирования);

региональный (позволяет точно противодействовать наиболее значимым для государств категориям преступлений);

национальный (обеспечивает реализацию международно-правовых норм, определяет вектор сотрудничества с другими странами).

Именно целостность и единство этой системы позволяют реализовать меры уголовного преследования и обеспечивать прежде всего национальную безопасность государства.

Для такого направления сотрудничества, как оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам, большое значение имеет Закон от 23 сентября 1994 г. «О предотвращении отмыкания денежных средств»⁴. Наиболее значимые поправки в данный Закон вносились в период с 2018 по 2020 г. по рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыканием денег (ФАТФ).

¹ Del diritto municipale di Malta nuova compilazione con diverse altre costituzioni. Valletta: Nella Stamperia del Palazzo di S.A.E. per Fra Gio. Mallia Suo Stamp, 1784.

² Formosa S. CrimeMalta Observatory annual crime review 2020 // CrimeMalta Observatory. 2021. January. URL: http://crimemalta.com/docs/CrimeMalta_Report2020.pdf (дата обращения: 07.06.2022).

³ Criminal code, 10 June 1854 // Legiżlazzjoni Malta. URL: <https://legislation.mt/eli/cap/9/eng> (дата обращения: 05.06.2022).

⁴ Prevention of money laundering act, 23 September 1994 // Legiżlazzjoni Malta. URL: <https://legislation.mt/eli/cap/373/eng> (дата обращения: 05.06.2022).

Закон, в частности, предусматривает сотрудничество государств по вопросам использования ограничительных мер. Согласно положениям ст. 2 наложение ограничительных мер возможно в отношении имущества и активов любого рода, характера и описания, будь то движимое или недвижимое, личное или корпоративное, материальное или нематериальное имущество, юридические документы или инструменты, подтверждающие право собственности на такое имущество или активы. К имуществу относятся: любая валюта, независимо от того, является ли она законным платежным средством на Мальте, векселя, ценные бумаги, облигации, оборотные инструменты или любые финансовые инструменты, подлежащие уплате в пользу держателя или одобренные к уплате в пользу держателя, выраженные в евро или любой другой иностранной валюте; денежные средства или предметы и ценности, включая произведения искусства, ювелирные изделия или драгоценные металлы; земельные участки.

Мальта – одно из первых европейских государств, законодательно определивших платежные средства, которые могут быть использованы как на территории страны, так и за ее пределами. Это связано с попыткой установления правовых рамок для расчетов в криптовалюте. С такой инициативой выступали ряд государственных служащих Мальты и, что примечательно, особое подразделение национальной полиции – отдел кибербезопасности, так как именно криптовалюта позволяет использовать различные способы легализации дохода, который был получен незаконным путем.

Особое внимание следует обратить на порядок розыска, ареста и конфискации имущества. Для реагирования на запрос другого государства о розыске имущества, наложении на него ареста необязательно наличие двустороннего соглашения. Все процедуры могут происходить на основе принципа взаимности. Мальтийский законодатель выделил следующие необходимые условия для ареста имущества или денежных средств, которые были получены незаконным путем:

- 1) достаточные основания полагать, что лицо нарушило положения закона;
- 2) запрос генерального атторнея в магистратский суд;
- 3) постановление суда по конкретному делу.

При поступлении запроса о наложении ареста на какое-либо имущество генеральный атторней может: на основе доказательств запрашивающего государства подать заявление в суд и произвести арест либо возбудить уголовное дело самостоятельно и провести расследование для установления необходимых юридических фактов.

При этом согласно ст. 3 Закона «О предотвращении отмыwania денежных средств» суд по просьбе стороны обвинения выносит постановление либо о передаче третьим лицам всех денежных средств и другого движимого имущества, принадлежащего лицу, обвиняемому в отмывании средств, полученных преступным путем, либо о запрете обвиняемому передавать, закладывать или иным образом распоряжаться движимым или недвижимым имуществом.

Иностранное государство может просто подозревать какое-то лицо в легализации доходов, полученных незаконным путем. На Мальте существует механизм финансового контроля транзакций. Он позволяет отслеживать перемещение денежных средств со счетов подозреваемого лица, анализировать эти данные и предоставлять их в случае соответствующего запроса иностранным правоохранительным органам. При этом надо понимать, что исполнение такого запроса возможно на основе двустороннего соглашения с другим государством в сфере противодействия преступности либо на основе принципа взаимности. В первом случае такой запрос обязателен для исполнения, а во втором обращение в правоохранительные органы иностранных государств может быть проигнорировано.

Финансовая безопасность государства является необходимым элементом его национальной безопасности. Зачастую из-за недостатка эффективных средств противодействия преступности в стране причиняется ущерб банковской системе и объектам критической инфраструктуры. Вызывает особый интерес недавний случай, связанный с банком Валлетты. В 2019 г. группа хакеров смогла через удаленный доступ к серверам банка перевести с его счетов 13 млн евро. Часть средств была обнаруже-

на в Великобритании, и по запросу Мальты в рамках ЕС они были возвращены, но судьба оставшихся денежных средств до сих пор неизвестна¹. Именно для противодействия таким преступлениям в государстве активно поощряется сотрудничество с международными организациями и правоохранительными организациями других государств. В мае 2020 г. Мальта начала активное сотрудничество с Интерполом. Основной его целью является обмен собранной в различных странах информацией, в том числе, об используемых преступниками средствах совершения противоправных деяний (кибератаки, вирусы, фишинговые ссылки и др.). Такое сотрудничество направлено на долгосрочную перспективу для обеспечения безопасности пользователей на Мальте².

Институт выдачи регулируется на Мальте большим количеством нормативных правовых актов. Основные его принципы закреплены в Конституции Мальты 1964 г.³ В ч. 1 ст. 43 указано, что выдача допускается только в силу международного соглашения или в случаях, установленных законом. Часть 2 этой статьи предусматривает, что выдача не допускается в случае совершения преступлений, которые носят политический характер. В соответствии с ч. 3 Мальта выдает своих граждан по указанным в ч. 1 основаниям (наличие международного соглашения или установленные законом случаи).

Помимо конституционного регулирования, особое значение имеет Закон от 1 февраля 1982 г. «Об экстрадиции»⁴. В ст. 6 этого Закона установлено, что любое лицо, наруженное на Мальте, которое обвиняется в совершении преступления в любой стране или которое, как утверждается, незаконно находится на свободе после совершения такого преступления, может быть арестовано и возвращено в эту страну.

Согласно ст. 10 рассматриваемого Закона экстрадиция невозможна в следующих случаях:

- 1) преступление носит политический характер;
- 2) выдача на самом деле имеет цель преследования или наказания лица в связи с его расой, местом происхождения, национальностью, политическими убеждениями, цветом кожи или вероисповеданием;
- 3) в случае выдачи такое лицо может подвергаться дискриминации из-за его расы, места происхождения, национальности, политических убеждений, цвета кожи или вероисповедания

Кроме того, в соответствии со ст. 11 Закона «Об экстрадиции» в выдаче может быть отказано, если:

- 1) назначенное наказание составляет менее четырех месяцев лишения свободы;
- 2) в соответствии с законодательством запрашивающей страны преступление, в связи с которым запрашивается выдача, предполагает применение смертной казни и запрашивающая страна не предоставила достаточных гарантий того, что смертная казнь не будет назначена или, если будет назначена, не будет приведена в исполнение;
- 3) если запрос касается лица, осужденного за преступление *in absentia*, и запрашивающая сторона не предоставила достаточных гарантий того, что по делу такого лица будет проведено новое судебное разбирательство, если оно попросит об этом;
- 4) преследование лица является недопустимым по законодательству Мальты или запрашивающей стороны;
- 5) запрос касается лица, которое было возвращено на Мальту в соответствии со ст. 25 Закона «Об экстрадиции», и правительство обязалось не возвращать такое лицо в другую страну;

¹ Vella M. HSBC warned of BOV hackers last year // Maltatoday. 2019. 11 March. URL: https://www.maltatoday.com.mt/news/national/93525/hsbc_warned_of_bov_hackers_last_year#.YuqkvnZByUk (дата обращения: 09.06.2022).

² Malta joins an international alliance led by Interpol to enhance Cyber Security during COVID-19 // NCC. 2020. 20 May. URL: <https://cybersecurity.gov.mt/malta-joins-an-international-alliance-led-by-interpol-to-enhance-cyber-security-during-covid-19/> (дата обращения: 09.06.2022).

³ Constitution of Malta, 21 September 1964 // Legiżlazzjoni Malta. URL: <https://legislation.mt/eli/const/eng/pdf> (дата обращения: 09.06.2022).

⁴ Extradition act, 1 February 1982 // Legiżlazzjoni Malta. URL: <https://legislation.mt/eli/cap/276/eng> (дата обращения: 09.06.2022).

6) объявлена амнистия;

7) лицо, в отношении которого запрашивается выдача, является гражданином Мальты (например, в ст. 3 договора о выдаче между США и Мальтой от 18 мая 2006 г. прямо предусматривается, что применительно к некоторым преступлениям уполномоченные органы сами принимают решение о выдаче лица, которое имеет гражданство (подданство) запрашиваемого государства¹. При этом системно должен применяться принцип *aut dedere aut judicare*).

Генеральной прокуратурой Мальты разработаны специальные рекомендации для взаимодействия с другими странами по вопросам выдачи². Запросы о выдаче должны направляться по дипломатическим каналам в Министерство иностранных дел. Запрос может быть подан в Генеральную прокуратуру по почте и / или электронной почте. При использовании электронной почты не требуется применять шифрование или электронные подписи. Запрос и сопроводительные документы должны быть составлены на мальтийском или английском языке, надлежащим образом заверены и / или апостилированы. Если они составлены на любом другом языке, то они должны сопровождаться переводом оригинала на английский язык.

Все представляемые документы и доказательства должны быть достаточными для обоснования виновности лица, в отношении которого запрашивается выдача. В данном случае применяется принцип «вне разумного сомнения», который гласит, что любое лицо в аналогичной ситуации с учетом имеющейся информации может прийти к выводу, что представленные доказательства являются достаточными для признания лица виновным³.

На Мальте применяется как «обычная» выдача, так и выдача на основании европейского ордера на арест (EAW).

«Обычная» выдача предполагает следующий порядок действий. Как только запрос о выдаче будет получен Генеральной прокуратурой, она запросит временный ордер на арест. После ареста запрашиваемого лица у прокуратуры есть 48 часов, в течение которых ему может быть предъявлено обвинение. Затем компетентный суд допросит запрашиваемое лицо и попытается определить, имеются ли достаточные основания полагать, что оно является виновным, с учетом тех доказательств, которые были представлены запрашивающим государством. На этом же этапе решается вопрос о возможности выдачи. Если имеются основания для отказа, лицо не может быть передано другому государству. На следующем этапе министр юстиции должен в течение двух месяцев выдать ордер на возвращение лица в запрашивающее государство. Если лицо дает согласие на экстрадицию, то выдача осуществляется в упрощенном порядке.

Выдача на основании европейского ордера на арест является более гибкой и простой, нежели «обычная» выдача. Срок содержания под стражей на основании запроса об экстрадиции не может превышать 40 дней, взаимодействие между странами происходит в упрощенном порядке и по специальным каналам связи. Как и другие государства-члены ЕС, Мальта в качестве конституционного принципа закрепила правило о том, что выдача собственных граждан, если это не предусмотрено международным соглашением, не осуществляется⁴.

Принцип двойной криминальности также играет существенную роль при реализации механизмов выдачи. Выдача не может иметь места, если деяние, в связи с которым запрашивается выдача, не является преступлением как в запрашиваемом, так и в запрашивающем государстве. Кроме того, наказание за совершенное преступление, в связи с которым запрашивается выдача, должно составлять не менее одного года лишения свободы. В отношении большинства экономических составов преступлений таких проблем нет, но в случае с киберпреступлениями могут возникать

¹ URL: <https://www.congress.gov/treaty-document/109th-congress/17/document-text> (дата обращения: 09.06.2023).

² Malta – national procedures for extradition. URL: <https://rm.coe.int/1680399c9a> (дата обращения: 09.06.2022).

³ Aquilina K. Rethinking Maltese Legal Hybridity: A Chimeric Illusion or a Healthy Grafted European Law Mixture? // Journal of Civil Law Studies. 2011. № 4. P. 271–274.

⁴ Чекотков А. Ю. Европейские ордера на арест и производство следственных действий: моногр. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 64.

определенные сложности из-за крайне неудовлетворительного регулирования этой категории преступлений в законодательстве Мальты.

Мальта, осознавая последствия отдельных форм преступности для финансовой безопасности государства, принимает дополнительные меры для эффективного взаимодействия с международными организациями и правоохранительными органами других стран. Особое внимание законодателя обращено на возврат активов, полученных преступным путем (зачастую при совершении коррупционных преступлений). Оказание взаимной правовой помощи по этим категориям дел осуществляется на основе как международных договоров, так и принципа взаимности. Взаимодействие со странами ЕС происходит в упрощенном порядке; такой опыт может быть воспринят другими интеграционными объединениями.

Список литературы

Чекотков А. Ю. Европейские ордера на арест и производство следственных действий: моногр. М.: Юрлитинформ, 2019. 160 с.

Aquilina K. Rethinking Maltese Legal Hybridity: A Chimeric Illusion or a Healthy Grafted European Law Mixture? // *Journal of Civil Law Studies*. 2011. № 4. P. 261–283.

Saviour F. CrimeMalta Observatory annual crime review 2020 // CrimeMalta Observatory. 2021. January. URL: http://crimemalta.com/docs/CrimeMalta_Report2020.pdf (дата обращения: 07.06.2022).

Vella M. HSBC warned of BOV hackers last year // *Maltatoday*. 2019. 11 March. URL: https://www.maltatoday.com.mt/news/national/93525/hsbc_warned_of_bov_hackers_last_year#.YuqkvnZByUk (дата обращения: 09.06.2022).

References

Aquilina K. (2011) Rethinking Maltese Legal Hybridity: A Chimeric Illusion or a Healthy Grafted European Law Mixture? In *Journal of Civil Law Studies*, no. 4, pp. 261–283.

Chekotkov A. Yu. (2019) *Evropeiskie ordera na arest i proizvodstvo sledstvennykh deistvii* [European arrest warrants and investigative actions]. Moscow, Yurlitinform, 160 p.

Saviour F. (2021) CrimeMalta Observatory annual crime review 2020. In *CrimeMalta Observatory*. January, available at: http://crimemalta.com/docs/CrimeMalta_Report2020.pdf (accessed: 07.06.2022).

Vella M. (2019) HSBC warned of BOV hackers last year. In *Maltatoday*, 11 March, available at: https://www.maltatoday.com.mt/news/national/93525/hsbc_warned_of_bov_hackers_last_year#.YuqkvnZByUk (accessed: 09.06.2022).

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ

Эбергардт Семен Александрович

Магистрант Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-0714-5400, e-mail: semen_nkz77@mail.ru.

Неопределенность в правовом регулировании криптовалюты – одна из актуальных проблем в российском праве. Автор отмечает стремительное развитие криптоотрасли, которое привело к необходимости ее правового регулирования. Анализируются представленные за рубежом модели правового регулирования криптовалюты: признание криптовалюты в качестве официальной (Сальвадор); полный запрет майнинга и операций с криптовалютой (Китай); признание криптовалюты имуществом (США); признание криптовалюты альтернативным способом оплаты (Германия); признание криптовалюты законным средством платежа (Япония). Оцениваются последствия, к которым привел или может привести тот или иной вариант правового регулирования криптовалюты. Автор определяет, какая из представленных моделей является наиболее эффективной и опыт какой страны следует перенять.

Ключевые слова: криптовалюта, биткойн, блокчейн, модель правового регулирования, иностранное государство

Для цитирования: Эбергардт С. А. Зарубежный опыт правового регулирования криптовалюты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 27–34. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_27.

FOREIGN EXPERIENCE OF CRYPTOCURRENCY LEGAL REGULATION

Ebergardt Semen

Master student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-0714-5400, e-mail: semen_nkz77@mail.ru.

Uncertainty in the legal regulation of cryptocurrency is one of the most pressing problems in Russian law today. The author studies the history of the appearance of cryptocurrency and notes the rapid development of the cryptoindustry, which led to the need for its legal regulation by states. The author examines the models of legal regulation of cryptocurrency presented abroad: recognition of cryptocurrency as an official monetary unit (El Salvador), a complete ban on operations with cryptocurrency (China), recognition of cryptocurrency as property (the USA), recognition of cryptocurrency as an alternative payment method (Germany), and recognition of cryptocurrency as a legal tender (Japan). The consequences, to which this or that variant of the legal regulation of cryptocurrency has led or may lead, are considered. The author determines which of the models presented is the most effective and which country's experience should be adopted.

Key words: cryptocurrency, bitcoin, blockchain, model of legal regulation, foreign state

*For citation: Ebergardt S. (2023) Foreign experience of cryptocurrency legal regulation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 1, pp. 27–34, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_27.*

Криптовалюта – цифровая виртуальная валюта, вводимая в оборот без участия Центрального банка, построенная на технологии шифрования и хранения данных (блокчейн), обладающая некоторыми функциями и свойствами фиатных денег. Термин

«криптовалюта» впервые был использован неизвестным пользователем на одном из биткойн-форумов 18 марта 2010 г., спустя год после создания Сатоши Накамото первой криптовалюты «биткойн». Сам же создатель биткойна впервые употребил слово «криптовалюта» только 6 июля 2010 г.¹

Сейчас криптовалюта пользуется огромной популярностью во всем мире, число держателей криптовалюты составляет более 300 млн человек (3,9 % населения планеты), списки существующих монет насчитывают более 9 тыс. наименований², и это только те, что прошли листинг на бирже.

Распространенное явление, готовое полностью изменить мировую экономику, нельзя игнорировать, и государственные власти это отлично понимают. В. С. Белых и М. А. Егорова отмечают: «Криптовалюты – это революционное явление цифровой экономики. Децентрализация, анонимность, трансграничность криптовалюты одновременно вызывают интерес и одобрение со стороны пользователей и беспокойство со стороны публичных структур»³. Некоторые государства уже сформировали определенную позицию в отношении криптовалюты, которую выразили на законодательном уровне.

1 января 2021 г. вступили в силу законы «О цифровых финансовых активах»⁴ (далее – Закон о ЦФА) и «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»⁵, которые, вопреки ожиданиям, не внесли ясность в криптовалютные отношения. В. С. Белых и М. О. Болобонова отмечают, что представленные модели регулирования в полной мере не разрешают проблемы правового режима криптоактивов, их оборота на территории России и в международном пространстве⁶. Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов, характеризуя проект Закона о ЦФА, высказывают схожее мнение: «Принятие и вступление в законную силу указанного закона позволит создать инфраструктуру, которая будет способствовать обращению цифровых финансовых активов. Вместе с тем следует отметить, что вопросы, касающиеся правового регулирования выпуска и обращения цифровых валют (криптовалют), не нашли отражения в указанном проекте и по-прежнему требуют разработки и принятия специального федерального закона»⁷.

Недостаточность и неопределенность правового регулирования отношений, связанных с криптовалютой, влекут за собой негативные правовые и экономические последствия как для физических и юридических лиц, так и для государства в целом⁸. Для решения этой проблемы предлагаем обратиться к зарубежному опыту.

Первую модель правового регулирования криптовалюты представляет **Сальвадор**, который стал первым государством, признавшим биткойн в качестве официальной валюты. Закон о биткойнах⁹ вступил в силу 7 сентября 2021 г. – с этого момента биткойн стал второй официальной валютой в Сальвадоре после доллара США. В тек-

¹ Базанов С. Cryptocurrency: история термина // Medium. 2021. 12 апр. URL: <https://medium.com/bitcoin-review/cryptocurrency> (дата обращения: 09.11.2022).

² Онлайн курс криптовалют на сегодня в реальном времени. URL: <https://crypto.ru/kurs-kriptovalyut/> (дата обращения: 09.11.2022).

³ Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 141. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.139-146.

⁴ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁶ Белых В. С., Болобонова М. О. Проблемы определения правового режима криптовалют // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 24.

⁷ Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 54.

⁸ Арзамаскин А. Н. Формирование системы нормативно-правового обеспечения криптовалютных отношений в современной России // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. (Уфа, 5–6 апреля 2018 года) / отв. ред. Ф. Х. Галиев. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2018. Т. 1. С. 199–200.

⁹ El Salvador, primer país del mundo en reconocer al Bitcoin como moneda de curso legal // Asamblea Legislativa de Salvador. 2021. 9 de junio. URL: <https://www.asamblea.gob.sv/node/11282> (дата обращения: 09.11.2022).

сте документа говорится: «Целью этого закона является регулирование биткойнов как неограниченного законного платежного средства для использования в любой транзакции и с любым титулом, который требуют государственные или частные физические или юридические лица». По заявлениям президента Сальвадора Найиба Букеле¹ можно предположить, что, признав криптовалюту платежным средством, власти надеялись «оцифровать» местную экономику, обогатить население за счет роста криптовалюты, меньше зависеть от доллара и привлечь иностранные инвестиции. Для реализации этого замысла государство ввело в обращение национальный биткойн-кошелек Chivo, за регистрацию которого каждый пользователь получал бонус в 30 долл. США. Но дало ли это ожидаемый результат?

С момента признания биткойна в Сальвадоре его курс снизился более чем на 50 %², что создало угрозу дефолта³ и падения уровня жизни сальвадорцев, которые решили перейти на цифровую валюту. Такое сильное снижение курса объясняется повышенной волатильностью криптовалюты⁴, о чем противники Закона о биткойнах не раз упоминали. План по привлечению иностранных инвестиций тоже не увенчался успехом: облигации Сальвадора упали в цене более чем на 15 %⁵, инвесторов стала отталкивать нестабильная экономика страны. Не поддержал страну и Всемирный банк: «Мы готовы оказывать помощь правительству Сальвадора, но использование криптовалюты на государственном уровне – это не то, что Всемирный банк может поддержать из-за недостаточной прозрачности и неэкологичности биткойна»⁶. Сальвадор действительно смог снизить зависимость от доллара и «оцифровать» местную экономику, однако эти изменения были незначительны. Исследование, проведенное Национальным бюро экономических исследований (NBER)⁷, показало, что 20 % компаний начали принимать биткойн в качестве оплаты, а пользователи, загрузившие поддерживаемый правительством кошелек Chivo (25 % сальвадорцев), сократили использование наличных на 10 %, а дебетовых карт – на 11 %.

Эксперимент Сальвадора по внедрению биткойна сложно назвать успешным, ведь ожидаемые результаты не были достигнуты, позитивные последствия явно уступают негативным, главным из которых является возможный дефолт государства. Можно смело утверждать, что нестабильность криптовалюты служит серьезным препятствием для признания ее в качестве официальной валюты и в других государствах.

По противоположному пути правового регулирования криптовалют пошел **Китай**. 24 сентября 2021 г. Народный банк Китая (Центробанк) объявил все финансовые операции с криптовалютами, а также их добычу незаконными под страхом уголовной ответственности⁸. Президент Русско-Азиатского союза промышленников и предпринимателей (РАСПП) В. Манкевич считает, что причиной такого запрета является желание Китая продвигать собственный цифровой юань⁹. Запрет криптовалюты в КНР негативно отразился на мировой экономике¹⁰, но складывается впечатление, что для самого Китая наступили в основном благоприятные последствия.

¹ Батыров Т. Глава Сальвадора намерен сделать биткойн официальным платежным средством // Forbes. 2021. 6 июня. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/431509-glava-salvadora-nameren-sdelat-bitkoin-oficialnym-platezhnym> (дата обращения: 06.11.2022).

² Курс биткойна // Tradingview. URL: <https://ru.tradingview.com/symbols/BTCUSD/> (дата обращения: 09.11.2022).

³ Падение Bitcoin приближает Сальвадор к дефолту // Vc.ru. 2022. 24 янв. URL: <https://vc.ru/crypto/352821> (дата обращения: 09.11.2022).

⁴ Крылов Г. О., Лисицын А. Ю., Поляков Л. И. Сравнительный анализ волатильности криптовалют и фиатных денег // Финансы: теория и практика. 2018. № 22. С. 66–89. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-2-66-89.

⁵ Клачек С. Morgan Stanley предложил выкупить пострадавшие от кризиса гособлигации Сальвадора // Bits.media. 2022. 20 июля. URL: <https://bits.media/morgan-stanley-predlozhit-vyкупit-postradavshie-ot-krizisa-obligatsii-salvadora/> (дата обращения: 09.11.2022).

⁶ Корнеев А. Всемирный банк отказался поддержать Сальвадор в переходе на биткойн // РБК. 2021. 17 июня. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60cb> (дата обращения: 09.11.2022).

⁷ Пятая часть мирового хэшрейта биткойна теперь контролируется зарегистрированными на бирже компаниями // Nesrakonk.ru. 2022. 7 апр. URL: <https://nesrakonk.ru/pyataya-chast> (дата обращения: 05.10.2022).

⁸ John A., Shen S., Wilson T. China's top regulators ban crypto trading and mining, sending bitcoin tumbling // Reuters. 2021. 24 Sept. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-central> (дата обращения: 09.11.2022).

⁹ Теткин М. Цифровой юань против биткойна. В чем причина запрета криптовалют в Китае // РБК. 2021. 6 июля. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/> (дата обращения: 06.11.2022).

¹⁰ Балмуханов Т. М. Проблемы законодательного закрепления понятия «криптовалюта» в России и за рубежом // Молодой ученый. 2021. № 23. С. 165–167.

До начала борьбы властей с криптовалютой 65–75 % мировой добычи биткойна приходилось на Китай, но после введения уголовной ответственности за операции с криптовалютой «майнеры» прекратили свою деятельность на территории Китая. Из благоприятных последствий запрета можно отметить возможность беспрепятственно развивать собственную цифровую валюту и значительную экономию электроэнергии.

Самое очевидное негативное последствие запрета операций с криптовалютой для властей КНР – «упущенная выгода». Л. Л. Левин справедливо указывает: «Для стран, где использование криптовалют разрешено, основной задачей регулирующих органов является получение обоснованной части государственных доходов от налогообложения граждан, получающих доходы от операций с криптовалютой при достаточной разумности регулирования, позволяющей создать благоприятные условия для развития этой области новейших технологий и привлечения инвестиций в свои юрисдикции»¹. Все операции с криптовалютой могли попасть под налоговое регулирование, но неизвестно, сколько именно Китай потерял на этом, и вполне возможно, что приобрел он куда больше.

Стоит отметить, что КНР является крупнейшим, но не единственным государством с подобной моделью правового регулирования. Операции с криптовалютой также запрещены в Марокко, Боливии, Алжире, Непале, Пакистане и Вьетнаме².

Еще одну модель регулирования криптовалюты можно наблюдать в **США**. В настоящее время в государстве отсутствует специальный федеральный закон, посвященный криптовалюте. Отдельные нормативные правовые акты существуют на уровне штатов. Например, в Нью-Йорке действует правило, согласно которому любой бизнес, имеющий дело с криптовалютой, должен подавать заявку на специальную лицензию *BitLicense*, для получения которой необходимо отвечать всем требованиям, изложенным в акте штата, и уплатить регистрационный сбор в размере 5 тыс. долл.³; в большинстве других штатов подобные правила отсутствуют. Единой политики в отношении криптовалюты в США пока нет, тем не менее федеральными органами изданы подробные инструкции и разъяснения на этот счет.

Согласно разъяснениям Налогового управления США (*Internal Revenue Service, IRS*) виртуальная валюта – это цифровое представление стоимости, отличное от представления доллара США или иностранной валюты («фиатная валюта»), которое функционирует как расчетная единица, средство сбережения и средство обмена. Виртуальная валюта (в том числе криптовалюта) для целей налогообложения признается имуществом⁴. В США разрешены практически любые операции с криптовалютой, ее можно использовать и как средство расчетов. Исключения составляют только те операции, которые прямо нарушают законы, например мошенничество.

Итак, несмотря на отсутствие специального федерального закона, посвященного криптовалюте, разъяснений федеральных органов оказалось достаточно, чтобы урегулировать криптовалютные отношения в государстве. Данный подход схож с позицией Сальвадора, однако, в отличие от него, Штаты не стали признавать криптовалюту официальной валютой государства, что исключает сильное влияние волатильности крипторынка на экономику страны. Можно сказать, что в США решение вопроса об использовании криптовалюты отдали на откуп каждому, но в то же время не лишили бюджет налоговых поступлений от пользователей криптовалюты.

Германия признала криптовалюту альтернативным способом оплаты, основанным на договоре. Законодательство Германии об использовании криптовалют базируется на решении Европейского Суда по правам человека от 22 октября 2015 г.

¹ Левин Л. Л. Актуальные проблемы регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Государственная служба. 2021. Т. 23 № 5. С. 57. DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-5-53-59.

² Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1. С. 84. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.081-091.

³ Нью-йоркские BitLicense и что об этом думают профессионалы // Coinspot. 2014. 22 июля. URL: <https://coinspot.io/news/breaking-news/nyu> (дата обращения: 05.11.2022).

⁴ An official website of the Internal Revenue Service. Frequently Asked Questions on Virtual Currency Transactions. URL: <https://www.irs.gov/individuals/international-taxpayers/frequently-asked-questions-on-virtual-currency-transactions> (дата обращения: 05.11.2022).

C-264/14 по делу *Skatteverket v. David Hedqvist*¹, где суд определил виртуальные валюты как вид не урегулированных в праве электронных денег, которые эмитируются и контролируются их разработчиками и принимаются пользователями виртуальной системы. Подобные виртуальные валюты схожи с официальными конвертируемыми валютами, что подтверждается их использованием, но в то же время они отличаются от электронных денежных средств, поскольку представлены не в традиционных расчетных единицах, например евро, а в виртуальных расчетных единицах, таких как биткойн².

В § 1 Закона «О банковской деятельности» установлено, что «криптовалюта – цифровое представление стоимости, которое не выпущено и не гарантировано Центральным банком или иным государственным органом и которое не имеет статуса валюты или денег, но принимается физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена или платежа в силу соглашения или сложившейся практики»³. За криптовалютой законодатель Германии признал отдельные свойства фиатных денег и разрешил ее использовать, но в то же время установил, что криптовалюта не приравнивается к ним. Власти Германии дают понять, что не против того, чтобы криптовалюту применяли в частноправовых отношениях, если все стороны этого хотят. Подобный подход исключает влияние криптовалюты на государство, а все экономические риски несут лица и организации, решившие использовать криптовалюту, в то же время законодательное закрепление данного явления позволяет рассчитывать на защиту государства в случае возникновения споров. В соответствии с § 23 Закона «О подоходном налоге» криптовалюта облагается только налогом на прибыль, а если криптовалюту держали более года, то пользователь освобождается от обязанности по его уплате⁴.

В заключение стоит обратиться к предполагаемой родине биткойна – **Японии**. 1 апреля 2017 г. в Японии вступили в силу изменения, внесенные в Закон «О платежных услугах», признающие криптовалюту законным средством платежа. М. М. Долгиева так характеризует этот нормативный акт: «Закон делает возможным использование криптовалют для расчетов наравне с фиатными деньгами и перемещения цифровых активов между компаниями и физическими лицами. По сути, криптовалюта в Японии участвует в обороте вместе с официальной денежной единицей – йеной»⁵. Важно отметить, что криптовалюта в Японии не приравнивается ни к официальной денежной единице страны, ни к иностранным валютам, что прямо отражено в тексте закона⁶. Криптовалюта перестала считаться товарно-материальным активом и, следовательно, больше не облагалась налогом на добавленную стоимость; однако полного освобождения от налогов не произошло – практически сразу был установлен прогрессивный налог на доход от криптовалютной торговли в размере от 15 до 55 %. Деятельность криптобирж в Японии подлежит лицензированию, биржа должна соответствовать стандартам, связанным с противодействием отмыванию денежных средств и идентификацией клиентов.

Таким образом, мы рассмотрели пять моделей правового регулирования криптовалюты, представленных за рубежом: признание криптовалюты в качестве официальной (Сальвадор); полный запрет майнинга и операций с криптовалютой (Китай); признание криптовалюты имуществом и регулирование криптовалютных отношений

¹ Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 22 October 2015, *Skatteverket v David Hedqvist* // InfoCuria. Caselaw. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-264/14> (дата обращения: 08.11.2022).

² Печегин Д. А. К вопросу о правовом регулировании криптовалют в Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 24. DOI: 10.12737/jfcl.2019.6.2.

³ Gesetz über das Kreditwesen (Kreditwesengesetz – KWG). 10 Juli 1961 (das zuletzt durch Artikel 12 des Gesetzes vom 22 Februar 2023). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/kredwg/BJNR008810961.html> (дата обращения: 08.11.2022).

⁴ Einkommensteuergesetz (EStG). 16 Oktober 1934 (das zuletzt durch Artikel 8 Absatz 3 des Gesetzes vom 20 Dezember 2022). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/estg/BJNR010050934.html> (дата обращения: 08.11.2022).

⁵ Долгиева М. М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex russica (Русский закон). 2018. № 10. С. 126. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.116-129.

⁶ Амандурдыев К. Государственное управление альтернативным денежным обращением в Японии // Образование и право. 2019. № 9. С. 95.

с помощью актов уполномоченных органов (США); признание криптовалюты альтернативным способом оплаты (Германия); признание криптовалюты законным средством платежа (Япония).

На данный момент статус криптовалюты в России довольно неопределенный. Центральный банк РФ ясно дает понять, что ему близок путь Китая, и предлагает такие меры, как введение ответственности за нарушение запрета на использование криптовалюты в качестве средства платежа, введение запрета на организацию выпуска и (или) выпуск, организацию обращения и обмена криптовалюты на территории РФ и установление ответственности за нарушение данного запрета, введение запрета для финансовых организаций на собственные вложения в криптовалюты и связанные с ними финансовые инструменты¹. Министерство финансов РФ выступает против запрета, но предлагает проводить все операции с криптовалютами через российские банки, идентифицировать держателей криптокошельков и разделить клиентов на квалифицированных и неквалифицированных инвесторов², однако при таком варианте теряются все преимущества криптовалют.

На наш взгляд, в России не стоит запрещать криптовалюту, так как в этом случае государство не сможет извлечь выгоду из нового института (налогообложение, обход санкций). Но и не стоит ставить ее наравне с официальными валютами, как сделал Сальвадор, ведь это чревато теми же последствиями (возможный дефолт). Оптимальной моделью правового регулирования криптовалюты мы считаем ту, что используется в США. Она похожа на модель, существующую в Японии и Германии. В этих государствах криптовалюту можно применять в качестве платежного средства с той лишь разницей, что Япония и Германия признали ее таковым путем внесения изменений в соответствующий закон, а в США криптовалюта официально признана лишь имуществом, но разъяснения и инструкции уполномоченных органов позволяют использовать это имущество, в том числе, для расчетов. Правовое регулирование США предоставляет больше возможностей для государства и предпринимателей, что особенно важно, когда имеешь дело с таким быстроразвивающимся явлением, как криптовалюта.

Список литературы

Амандурдыев К. Государственное управление альтернативным денежным обращением в Японии // Образование и право. 2019. № 9. С. 94–97.

Арзамаскин А. Н. Формирование системы нормативно-правового обеспечения криптовалютных отношений в современной России // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. (Уфа, 5–6 апреля 2018 года) / отв. ред. Ф. Х. Галиев. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2018. Т. 1. С. 197–202.

Базанов С. Cryptocurrency: история термина // Medium. 2021. 12 апр. URL: <https://medium.com/bitcoin-review/cryptocurrency> (дата обращения: 09.11.2022).

Балмуханов Т. М. Проблемы законодательного закрепления понятия «криптовалюта» в России и за рубежом // Молодой ученый. 2021. № 23. С. 165–167.

Батыров Т. Глава Сальвадора намерен сделать биткойн официальным платежным средством // Forbes. 2021. 6 июня. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/431509-glava-salvadora-nameren-sdelat-bitkoin-oficialnym-platezhnym> (дата обращения: 06.11.2022).

Белых В. С., Болобонова М. О. Проблемы определения правового режима криптовалют // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 23–28.

Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 139–146. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.139-146.

Долгиева М. М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex russica (Русский закон). 2018. № 10. С. 116–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.116-129.

Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–91. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.081-091.

¹ Криптовалюта: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2022. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 05.10.2022).

² Чернышова Е., Ткачев И. Минфин предложил новые правила криптовалютных операций вместо запрета // РБК. 2022. 27 янв. URL: <https://www.rbc.ru/finances> (дата обращения: 05.10.2022).

Клачек С. Morgan Stanley предложил выкупить пострадавшие от кризиса гособлигации Сальвадора // Bits.media. 2022. 20 июля. URL: <https://bits.media/morgan-stanley-predlozhit-vykupit-postradavshie-ot-krizisa-obligatsii-salvadora/> (дата обращения: 09.11.2022).

Корнеев А. Всемирный банк отказался поддержать Сальвадор в переходе на биткоин // РБК. 2021. 17 июня. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60cb> (дата обращения: 09.11.2022).

Крылов Г. О., Лисицын А. Ю., Поляков Л. И. Сравнительный анализ волатильности криптовалют и фиатных денег // Финансы: теория и практика. 2018. № 22. С. 66–89. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-2-66-89.

Левин Л. Л. Актуальные проблемы регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Государственная служба. 2021. Т. 23 № 5. С. 53–59. DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-5-53-59.

Печегин Д. А. К вопросу о правовом регулировании криптовалют в Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 21–33. DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.2.

Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 43–54. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.043-054.

Теткин М. Цифровой юань против биткоина. В чем причина запрета криптовалют в Китае // РБК. 2021. 6 июля. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/> (дата обращения: 06.11.2022).

Чернышова Е., Ткачев И. Минфин предложил новые правила криптовалютных операций вместо запрета // РБК. 2022. 27 янв. URL: <https://www.rbc.ru/finances> (дата обращения: 05.10.2022).

John A., Shen S., Wilson T. China's top regulators ban crypto trading and mining, sending bitcoin tumbling // Reuters. 2021. 24 Sept. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-central> (дата обращения: 09.11.2022).

References

Amandurdyev K. (2019) Gosudarstvennoe upravlenie al'ternativnym denezhnym obrashcheniem v Yaponii [Public administration of alternative monetary circulation in Japan]. In *Obrazovanie i pravo*, no. 9, pp. 94–97.

Arzamaskin A. N. (2018) Formirovanie sistemy normativno-pravovogo obespecheniya kriptovalyutnykh otnoshenii v sovremennoi Rossii [Formation of the system of regulatory support of cryptocurrency relations in modern Russia]. In Galiev F. Kh. (Ed.) *Problemy statusa sovremennoi Rossii: istoriko-pravovoi aspekt: conference papers: in 2 parts*. Ufa, Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, part 1, pp. 197–202.

Balmukhanov T. M. (2021) Problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya ponyatiya «kriptovalyuta» v Rossii i za rubezhom [Problems of legislative consolidation of the concept of «cryptocurrency» in Russia and abroad]. In *Molodoi uchenyi*, no. 23, pp. 165–167.

Batyrov T. (2021) Glava Sal'vadora nameren sdelat' bitkoin ofitsial'nym platezhnym sredstvom [The head of El Salvador intends to make bitcoin an official means of payment]. In *Forbes*, 6 June, available at: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/431509-glava-salvadora-nameren-sdelat-bitkoin-oficialnym-platezhnym> (accessed: 06.11.2022).

Bazanov S. (2021) Cryptocurrency: istoriya termina [Cryptocurrency: the history of the term]. In *Medium*, 12 Apr., available at: <https://medium.com/bitcoin-review/cryptocurrency> (accessed: 09.11.2022).

Belykh V. S., Bolobonova M. O. (2019) Problemy opredeleniya pravovogo rezhima kriptovalyut [The problem of determining the legal regime for cryptocurrencies]. In *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava*, no. 3, pp. 23–28.

Belykh V. S., Egorova M. A. (2019) Kriptovalyuta kak sredstvo platezha: novye podkhody i pravovoe regulirovanie [Cryptocurrency as a means of payment: new approaches and legal regulation]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, no. 2, pp. 139–146, DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.139-146.

Chernyshova E., Tkachev I. (2022) Minfin predlozhit novye pravila kriptovalyutnykh operatsii vmes-to zapreta [The Ministry of Finance proposed new rules for cryptocurrency transactions instead of a ban]. In *RBK*, 27 Jan., available at: <https://www.rbc.ru/finances> (accessed: 05.10.2022).

Dolgieva M. M. (2018) Zarubezhnyi opyt pravovogo regulirovaniya otnoshenii v sfere oborota kriptovalyuty [Foreign experience in legal regulation of relations in the sphere of cryptocurrency turnover]. In *Lex russica (Russkii zakon)*, no. 10, pp. 116–129, DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.116-129.

Egorova M. A., Kozhevina O. V. (2020) Mesto kriptovalyuty v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav [The role of a cryptocurrency in the system of objects of civil law rights]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 15, no. 1, pp. 81–91, DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.081-091.

John A., Shen S., Wilson T. (2021) China's top regulators ban crypto trading and mining, sending bitcoin tumbling [China's leading regulators banned crypto trading and mining, which caused bitcoin to collapse]. In *Reuters*, 24 Sept., available at: <https://www.reuters.com/world/china/china-central> (accessed: 09.11.2022).

Klachek S. (2022) Morgan Stanley predlozhl vykupit' postradavshie ot krizisa gosobligatsii Sal'vadora [Morgan Stanley offered to buy back the government bonds of El Salvador affected by the crisis]. In *Bits.media*, 20 July, available at: <https://bits.media/morgan-stanley-predlozhl-vykupit-postradavshie-ot-krizisa-obligatsii-salvadora/> (accessed: 09.11.2022).

Korneev A. (2021) Vsemirnyi bank otkazalsya podderzhat' Sal'vador v perekhode na bitkoin [The World Bank refused to support El Salvador in the transition to Bitcoin]. In *RBK*, 17 June, available at: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60cb> (accessed: 09.11.2022).

Krylov G. O., Lisitsyn A. Yu., Polyakov L. I. (2018) Sravnitel'nyi analiz volatil'nosti kriptovalyut i fiatnykh deneg [Comparative analysis of volatility of cryptocurrencies and fiat money]. In *Finansy: teoriya i praktika*, no. 22, pp. 66–89, DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-2-66-89.

Levin L. L. (2021) Aktual'nye problemy regulirovaniya oborota kriptovalyut v Rossiiskoi Federatsii [Current issues of regulating the cryptocurrency turnover in the Russian Federation]. In *Gosudarstvennaya sluzhba*, vol. 23, no. 5, pp. 53–59, DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-5-53-59.

Pechegin D. A. (2019) K voprosu o pravovom regulirovanii kriptovalyut v Germanii [Towards the question of the legal nature of cryptocurrencies in Germany]. In *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 6, pp. 21–33, DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.2.

Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. (2020) Tsifrovye finansovye aktivy: problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya [Digital financial assets: problems and prospects of legal regulation]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 15, no. 6, pp. 43–54, DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.043-054.

Tetkin M. (2021) Tsifrovoy yuan' protiv bitkoina. V chem prichina zapreta kriptovalyut v Kitae [Digital Yuan against Bitcoin. What is the reason for banning cryptocurrencies in China]. In *RBK*, 6 July, available at: <https://www.rbc.ru/crypto/news/> (accessed: 06.11.2022).

КОНТЕКСТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ларионов Павел Алексеевич

Стажер-исследователь кафедры уголовного права
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0002-6918-0906, e-mail: plarionov@mail.ru.

Автор предпринимает попытку сформулировать универсальный перечень правил правоприменительной интерпретации уголовного закона, позволяющий избежать получения априори незаконного результата. Предлагается разделить контекстные ограничения толкования на две группы: общеправовые и отраслевые. Автор раскрывает содержание ограничений каждой группы с опорой на положения нормативных правовых актов, доктрины и судебной практики. Актуальность исследования обусловливается неременным наличием в практике отправления правосудия по уголовным делам интерпретационного элемента, который, в том числе, детерминирует законность или дефектность принимаемого акта.

Ключевые слова: толкование, контекст, ограничение уголовно-правовой интерпретации, правоприменение

Для цитирования: Ларионов П. А. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 35–44. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_35.

CONTEXTUAL RESTRICTIONS IN CRIMINAL LAW INTERPRETATION

Larionov Pavel

Junior researcher, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-6918-0906, e-mail: plarionov@mail.ru.

The author attempts to formulate a consolidated universal list of rules for the interpretation of criminal law provisions, which allows to avoid obtaining an a priori illegal result. It is proposed to divide contextual restrictions of interpretation into two groups: general and sectoral. The author reveals the content of the restrictions of each group, based on the provisions of normative legal acts, doctrine and judicial practice. The relevance of the study is confirmed by the indispensable presence in criminal law enforcement practice of an interpretative element, which, among other things, determines the legality or defectiveness of the adopted act.

Key words: interpretation, context, restriction of interpretation, law enforcement

*For citation: Larionov P. (2023) Contextual restrictions in criminal law interpretation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 1, pp. 35–44, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_35.*

«Смысл (толкования. – П. Л.) есть правоприменение»¹, из чего следуют два фундаментальных вывода: во-первых, толкование должно служить цели разрешения конкретной правовой ситуации, а во-вторых, толкование должно быть ограничено условиями этой ситуации и его результат должен быть применим на практике. Очевидно, что не

¹ Цит. по: *Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. Copenhagen: Brill Publishers, 2019. P. 164. DOI: <https://doi.org/10.1628/978-3-16-158164-9>.*

всякое толкование отвечает последнему критерию. Например, интерпретация *contra legem* в отечественной правовой системе недопустима, так как нарушает монополию законодательной власти на создание норм права. Аналогично признается дефектным толкование уголовно-правовых запретов, которое допускает их ретроспективное применение. Следовательно, результат официального толкования, положенный в основу правоприменительной аргументации, ограничен контекстом как правовой системы в целом, так и конкретных правоотношений, в рамках которых осуществляется интерпретация.

Отечественная теория права не содержит фундаментальных работ, посвященных интерпретационным ограничениям. Чаще в академических материалах ограничения толкования вообще не упоминаются¹. Даже в классических доктринальных источниках, где отрицается идея «абсолютной свободы толкования», последняя связывается с выработкой не собственно ограничений интерпретации, а лишь методик и технических приемов, которые облегчали бы труд и ускоряли бы достижение цели².

Современная доктрина права если и обозначает рамки толкования, то формулирует их абстрактно³. Единственное контекстное правило в толковании, которое артикулировано в научных трудах, касается «технической» цели интерпретации – уяснения истинной воли законодателя. Отталкиваясь от воли законодателя, толкователь нуждается также в установлении конкретных ограничений, что облегчило бы выполнение поставленной перед ним задачи.

Стоит оговориться, что слово «контекст» употребляется в двух значениях: 1) контекст юридический – установленные нормами права и правовыми принципами ограничения дискреции толкователя по приданию конкретному нормативному акту определенного смысла; 2) контекст «фактический» – конкретные общественно-политические условия изменения подхода правоприменителя к толкованию правовых норм. В настоящем исследовании мы обратимся к контексту юридическому.

Первые попытки изучения и формулирования ограничений интерпретационной свободы предпринял Ф. К. фон Савиньи. По его словам, «если у двусмысленного закона одно объяснение соответствует строгому праву, а другое *aequitas*, то это последнее должно быть главным». Иными словами, среди полученных различными приемами результатов толкования приоритет должен отдаваться тому, который соответствует принципу справедливости. Во времена Ф. К. фон Савиньи *aequitas* (справедливость) рассматривалась как юридическая максима, которая определяла содержание каждого закона, а отсюда толкование, противное ему, априори не соответствовало законодательной воле⁴.

В современной российской доктрине также встречаются точечные указания на ограничения интерпретации законов. Так, В. О. Лучин и А. В. Мазуров отмечают недопустимость расширительного толкования перечней в публичном праве⁵. Схожее ограничение называет С. В. Суркова, говоря об «общепринятом запрете на расширительное толкование законченных перечней (обстоятельств, субъектов и т. д.); санкций; положений, составляющих исключение из общего правила»⁶. В отечественном уголовном праве нарушения такого рода чаще всего связаны, например, с признанием в качестве отягчающего обстоятельства мнения потерпевшего, настаивающего на строгом наказании для подсудимого⁷.

¹ Подробнее см.: Теория государства и права: в 2 т. Т. 2: Особенная часть: учеб. и практикум для вузов / под общ. ред. А. П. Альбова, С. В. Николюкина. М.: Юрайт, 2023.

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. Т. 4. С. 627.

³ Колоколов Я. Н. Отечественный парламент лишен права на аутентическое толкование своих законов // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2. С. 20–24.

⁴ См., например: ст. 1135 гл. 3 разд. III кн. 3 Кодекса Наполеона, где на первом месте в числе источников уяснения смысла договоров указана справедливость (*Spence G. The Code Napoleon or The French Civil Code. L.: William Benning, 1827*).

⁵ Лучин В. О., Мазуров А. В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. С. 90–103.

⁶ Суркова С. В. Расширительное толкование норм права // СПС «КонсультантПлюс». 2022.

⁷ В связи с этим вышестоящие судебные инстанции неоднократно отменяли или изменяли состоявшиеся судебные решения на основании выявленных существенных нарушений норм уголовного мате-

Контекстные ограничения суть правовые принципы, противоречие которым влечет дефектность интерпретации. Такое противоречие является коллизией интерпретации и фундаментального положения, артикулированного прямо или косвенно в нормативных правовых актах. Отсюда соблюдение контекстных ограничений есть не что иное, как использование систематического вида толкования при уяснении смысла нормы в ее отраслевом или общеправовом контексте¹.

Однако в доктрине в таком качестве систематическое толкование рассматривается редко. В большинстве случаев ученые склонны связывать систематическую интерпретацию с «изучением близких по содержанию норм, развивающих и детализирующих ее»². Самое широкое понимание систематической интерпретации обнаруживаем у А. С. Пиголкина, который указывает на необходимость «использования связи конкретных норм с общей частью той же отрасли права»³. По нашему же мнению, необходимо проследить не только внутриотраслевые, но и общеправовые связи толкуемой нормы, которые и высвечивают интерпретационный контекст.

Отсюда выделение контекста толкования как отдельного структурного элемента интерпретации не представляется необходимым. В то же время напрашивается более важный вопрос: если ограничения толкования служат цели адаптации результата толкования к конкретным правоприменительным целям (будь то правомерное и безошибочное разрешение индивидуального спора или же дача разъяснений компетентным субъектом), то значит ли это, что систематическое толкование норм права должно стать неотъемлемым элементом правоприменительной деятельности? На наш взгляд, этот вопрос должен получить положительный ответ. Обусловлено это практически: ряд ограничений толкования представляют собой общеправовые принципы, закрепленные в актах высшей юридической силы, нарушение которых недопустимо в соответствии с положениями ч. 1 ст. 15 Конституции РФ. В то же время допущенное в ходе интерпретации нарушение не фундаментальных, а отраслевых принципов зачастую и в доктрине⁴, и на практике⁵ рассматривается как фатальное для вынесенного судебного решения. Отсюда обязательность глубокого систематического анализа результатов правоприменительного толкования через сопоставление его с интерпретационным контекстом обусловлена риском неминуемой процессуальной отмены дефектных судебных решений. Соблюдение контекстных ограничений в правоприменительном толковании представляется инструментом осуществления правосудия, предназначенным для вынесения по результатам конкретного вида судопроизводства законного, фактически и юридически обоснованного решения (ст. 297 УПК РФ, ч. 4 ст. 15 АПК РФ, ст. 195 ГПК РФ, ст. 9 КАС РФ).

риального права (см, например: постановление Президиума Липецкого областного суда от 6 сентября 2019 г. № 44у-27/2019).

¹ См., например: § 17–24 постановления Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2016 г. по делу «Аль-Дулими и компания „Монтана Менеджмент Инк.“ против Швейцарии» (жалоба № 5809/08); Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П по делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР; п. 68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»; решение МКАС при ТПП РФ от 24 февраля 2016 г. по делу № 107/2015; постановление ФАС Северо-Западного округа от 29 марта 2012 по делу № А42-896/2011; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 7 февраля 2022 г. по делу № А51-1318/2021.

² Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность»: учеб. пособие / под ред. Р. А. Ромашова, Е. Л. Харьковского. М.: Юрайт, 2023.

³ Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.

⁴ См., например: Плотников Д. А. О научных взглядах на систему современного гражданского процессуального права России // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6; Ильин А. В. Нарушение принципов равноправия и состязательности как основание для отмены судебных актов арбитражных судов в кассационном порядке // Закон. 2021. № 7.

⁵ Так, нарушения межотраслевых принципов состязательности и равноправия сторон прямо названы в абз. 3 п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» в качестве оснований для отмены состоявшихся судебных актов.

Предлагается разделить контекстные ограничения толкования на две группы. К первой относятся *общеправовые контекстные ограничения*, т. е. базовые универсальные принципы, нарушение которых вне зависимости от вида судопроизводства свидетельствует о дефектности правоприменительного толкования. Вторая группа включает *отраслевые контекстные ограничения*, т. е. принципы толкования законов, характерные для конкретной отрасли права. Учитывая тематику настоящего исследования, перечень контекстных ограничений второй группы будет сформулирован для уголовно-правовой интерпретации. Необходимо отметить, что указанные перечни не дихотомичны, а комплементарны. Общеправовые контекстные ограничения обязательны для толкования норм права любой отраслевой принадлежности, а значит, правоприменитель обязан учитывать их вне зависимости от вида судопроизводства и толкуемого закона.

I. Общеправовые контекстные ограничения толкования

1. *Основы конституционного строя.* На первый взгляд требование неукоснительного соблюдения в процессе правоприменения Конституции РФ, а особенно положений ее первой главы, очевидно. Тем не менее часто такое требование сформулировано абстрактно, без надлежащей конкретики, необходимой правоприменителю. Наша же задача – путем анализа основ конституционного строя Российской Федерации обозначить конкретные интерпретационные правила (ограничения), применимые к любому виду судопроизводства.

Первое ограничение интерпретации любых нормативных актов вытекает из ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15 Конституции РФ. Это положение указывает правоприменителю на необходимость разрешения любых вертикальных коллизий по общему правилу в пользу акта большей юридической силы: при коллизии подзаконного акта и федерального закона – в пользу федерального закона; при коллизии федерального закона и Конституции РФ – в пользу последней. То же коллизионное правило в более детальном изложении закреплено в ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Второе ограничение основывается на положениях ст. 10, 11 Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 118 и представляет собой ограничение свободы толкования правоприменителя его компетенцией, из чего вытекает запрет на толкование права *contra legem*.

Третье ограничение, вытекающее из положений ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, является, скорее, техническим правилом работы с нормативными актами. Заключается оно в запрете применения законов и иных нормативных актов, которые не были надлежащим образом опубликованы. Например, никто не может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с законом, который не был официально опубликован. Подобное ограничение распространяется и на все бланкетные нормативные акты, к которым отсылает толкуемый опубликованный нормативный акт.

Четвертое ограничение, закрепленное в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, скорее, применимо к толкованию охранительных норм. В соответствии с указанным положением все субъекты права на территории России обязаны соблюдать ее законы. С логической точки зрения, подкрепленной системным толкованием положений административно-деликтного и уголовного права, это означает, что юридическая ответственность не может наступать в случае, если привлекаемым к ней субъектом нормы права не нарушены (т. е. отсутствует критерий противоправности). Отсюда никакая норма охранительного законодательства не может толковаться как допускающая применение государственного принуждения в отношении лица, действующего в строгом соответствии с регулятивными нормами. Эта позиция поддержана и в отечественной доктрине¹.

2. *Компетенция правоприменителя.* Статья 10 Конституции РФ закрепляет принцип разделения властей, согласно которому законодательная, исполнительная и судебная власть отделены друг от друга и самостоятельны в пределах предоставленной им компетенции. Полномочия законодательной власти определены гл. 5 Конституции

¹ См., например: *Гузеева О. С.* Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-133-152.

РФ и представляют собой принятие обязательных на территории России нормативных актов – федеральных законов (включая федеральные конституционные законы). Задача судебной власти, как это следует из ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, есть осуществление правосудия, т. е. деятельности по вынесению индивидуальных правовых актов посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Отсюда компетенцию судебной власти можно обобщенно назвать правоприменением (этот термин охватывает также компетенцию ряда органов исполнительной власти по разрешению индивидуальных правовых ситуаций). Вывод этот подкреплен, в том числе, нормой п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», где указано, что соответствующие правовые ситуации разрешаются судами путем применения принятых в установленном порядке нормативных актов (от Конституции РФ до законов ее субъектов).

Правоприменители в отечественной правовой системе полномочны, во-первых, устанавливать фактический состав переданной им на разрешение спорной ситуации; во-вторых, уяснять смысл норм права, регулирующих соответствующие правоотношения; в-третьих, путем сличения фактического состава с нормативным материалом принимать решение об использовании конкретного законоположения в рассматриваемой ситуации. Развивая позицию В. С. Нерсисянца¹, можно утверждать, что не только законодательная власть не должна посягать на полномочия судов по официальному толкованию норм права, но и судебная власть должна находиться в установленных конституционным текстом рамках ее полномочий, не превращая свою деятельность в нормотворчество. Судебная власть не вправе модифицировать существующие нормы, толкуя последние *contra legem*, а тем более создавать новые нормы права.

Обобщая сказанное, сформулируем контекстное правило: никакое правоприменительное толкование уголовного закона не может создавать новые нормы права, выходящие за пределы законодательного текста.

3. *Обязательность правовых позиций органов официального толкования.* Интерпретация нормативного материала отдельными субъектами толкования является обязательной для правоприменителей при вынесении решений по индивидуальным спорам, а несоответствие ей влечет процессуальную отмену состоявшихся дефектных судебных постановлений. Отсюда одним из общеправовых контекстных ограничений является связанность правоприменителя позицией компетентного органа государственной власти, который наделен учредительными актами государства полномочием по интерпретации. К актам, содержащим обязательное для любого правоприменителя толкование, относятся постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда РФ, и постановления Президиума Верховного Суда РФ, принятые по результатам рассмотрения дела в порядке надзорной инстанции.

4. *Правило неприменения обратной силы норм об ответственности.* Включение указанного ограничения толкования в перечень общеправовых контекстных ограничений связано с универсальностью принципа, закрепленного ст. 54 Конституции РФ. Санкции как меры юридической ответственности предусмотрены большинством отраслей права, что позволяет трактовать это правило как междисциплинарный или даже фундаментальный принцип для каждой отрасли.

Верховный Суд РФ определяет названный принцип как общеправовое правило применения к лицу юридической ответственности². В то же время положения о действии закона во времени часто воспринимают лишь в качестве негативного обязательства³, т. е. требования воздерживаться от совершения определенных действий, например от применения закона, ухудшающего положение лица, к отношениям,

¹ Нерсисянец В. С. Общая теория права и государства: учеб. М.: Норма, 2021.

² См., например: абз. 2 п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2018 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г.).

³ Подробнее о различии негативных и позитивных обязательств см., например: Lavrysen L. Human Rights in a Positive State. Cambridge: Intersentia, 2016.

возникшим до вступления его в силу. Несмотря на это, норма ст. 54 Конституции РФ содержит и позитивное обязательство, которое гораздо чаще нарушается в криминальной юстиции, вследствие чего в 2006 г. для исправления ситуации потребовались разъяснения Конституционного Суда РФ¹. Содержание указанного позитивного обязательства сформулировано в ч. 2 ст. 54 Конституции РФ: «Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон». Иными словами, рассматривающий уголовное дело правоприменитель, обнаружив, что после совершения преступления, подпадающего под признаки конкретного состава Особенной части УК РФ, указанный состав был исключен из текста уголовного закона или иным образом смягчено положение подсудимого, обязан применять новый уголовный закон, пусть он и вступил в силу позднее даты совершения общественно опасного деяния. Тем не менее даже в современной следственно-судебной практике встречаются судебные решения, где правоприменители всех инстанций открыто нарушают данный конституционный принцип². Важно установить, что ни один результат судебного толкования закона не может вступать в противоречие с установленными конституционными принципами как запрета обратной силы закона, отягчающего ответственность, так и обязательного применения закона, ее смягчающего.

5. *Non bis in idem*. Принцип недопустимости двойного вменения, на первый взгляд кажущийся уголовно-правовым, является, тем не менее, универсальной максимой, применимой к любому виду юридической ответственности. Это неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ³. Указанный принцип может служить и частно-правовым целям, запрещая, к примеру, наложение двойной гражданско-правовой ответственности по различным искам с аналогичным основанием и предметом⁴.

Non bis in idem представляет собой еще одно негативное обязательство, иллюстрирующее очередное ограничение толкования: при одинаковом фактическом составе ни одна правоприменительная интерпретация не может влечь повторное применение к лицу однородных мер государственного принуждения. Это обязывает суд как проверять фактические обстоятельства дела, включая наличие у лица более ранних судимостей за совершение тех же действий, так и сопоставлять нормы права, применяемые по совокупности, изучать признаки инкриминируемых составов преступлений и не допускать их повторного вменения.

II. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации

1. *Предназначение уголовного права*. Согласно положениям ст. 2 УК РФ его центральной задачей является охрана личности, общества и государства от общественно опасных посягательств. Такая направленность уголовно-правовых запретов свидетельствует о необходимости отнесения отрасли уголовного права к охранительным отраслям, устанавливающим ответственность за посягательства на общественные отношения, урегулированные иными отраслями права⁵ – гражданским, семейным,

¹ Подробнее см.: постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других.

² См., например: кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2020 г. № 77-2178/2020. В данном определении рассмотрена кассационная жалоба лица, осужденного по ч. 5 ст. 33, ч. 6 ст. 290 УК РФ за пособничество в получении взятки, совершенное в период с 2008 по 2016 г., когда уже вступил в силу Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ, дополнивший Уголовный кодекс РФ ст. 291.1 («Посредничество во взяточничестве»), санкция которой является более мягкой по отношению к санкции ст. 290 УК РФ.

³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 10-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В. А. Вострикова.

⁴ Рехтина И. В. *Non bis in idem* и правовая определенность в гражданском судопроизводстве России // Современное право. 2021. № 1. С. 59. DOI: 10.25799/N1.2021.67.48.009.

⁵ Арямов А. А., Руева Е. О. Цифровое право как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 45–47.

экологическим, административным, налоговым и т. д. Только в случае выявления девиаций в функционировании таких отношений уголовное право вмешивается в их реализацию, запуская механизм государственно-правового принуждения. Отсюда представляется верным расширить правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 19 ноября 2013 г. № 24-П, где в качестве материально-правовой предпосылки уголовно-правовых отношений названы лишь собственно нормы уголовного закона. По нашему убеждению, для возникновения уголовно-правовых отношений необходимо как минимум два условия: во-первых, существование в позитивном правовом поле общественных отношений определенного вида, их урегулирование иными отраслями права (юридическое основание); во-вторых, юридический факт посягательства на нормальное развитие указанных правоотношений в виде неправомерного действия – преступления, содержащего все признаки конкретного состава Особенной части УК РФ (фактическое основание). Ни одна норма уголовного права, исходя из его охранительной природы, не может толковаться как допускающая использование механизма уголовной ответственности без юридического основания.

2. *Запрет аналогии закона.* Запрет аналогии закона установлен не только в уголовном праве, но и в иных охранительных отраслях (например, административно-деликтном праве), тем не менее сфера его применения ограничена лишь этими отраслями. Отсюда отнесение данного правила к контекстным ограничениям, свойственным именно уголовному праву, видится оправданным.

Во второй половине XX в. зародилась тенденция к отказу от аналогии не только в уголовном, но и в уголовно-процессуальном праве¹. Развивая ее, А. С. Пиголкин предлагал «распространить принцип недопустимости аналогии и на всю правоохранительную деятельность»². Тем не менее сегодня уголовная практика избрала кардинально иной путь развития. Существо аналогии закона исчерпывающе освещено как в отечественной, так и в зарубежной правовой доктрине. Как отмечали Д. Канале и Дж. Тузет, аналогия закона может быть представлена следующей логической формулой: «С1 подпадает под действие N1. С2 не подпадает под действие ни одной нормы в действующем законодательстве (выявлен пробел в праве). Между С1 и С2 наблюдается определенная схожесть. С2 подпадает под действие N2, полученной в результате аналогии закона (восполнения выявленного пробела в праве)»³.

Аналогия закона представляет собой, по сути, судебное нормотворчество, недопустимость которого в сфере уголовно-правовых запретов аргументирована ранее. Отметим лишь, что результат толкования уголовного закона в процессе правоприменительной деятельности не должен служить средством устранения пробелов в этом самом законе.

3. *Общественная опасность как обязательный признак преступления.* В отечественной правовой системе перечень неправомерных действий ранжирован по степени их вреда личности, обществу и государству: самыми опасными признаются преступления, за ними следуют административные правонарушения, а затем гражданско-правовые и трудовые правонарушения (дисциплинарные проступки). Упомянутые степени вреда в нормативных источниках названы «общественной опасностью преступлений» (ст. 14 УК РФ) и «общественной вредностью административных правонарушений» (ст. 2.2, 4.2 КоАП РФ)⁴. Эти категории, хотя и определяются в доктрине и практике по большей части через противопоставление друг другу⁵, являются фактическим основанием применения механизма государственно-правового

¹ Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967.

² Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 53.

³ Canale D., Tuzet G. Analogical reasoning and extensive interpretation // Archiv Fuer Rechts Und Sozialphilosophie. 2017. Bd. 103. № 1. S. 119.

⁴ Гражданско-правовые правонарушения и дисциплинарные проступки не имеют специально выделенной степени вреда, возможно, потому, что не имеют такого же вредоносного эффекта, который превращал бы их из частных правонарушений в общественные, т. е. не только причиняющие вред конкретному лицу, но и дестабилизирующие общественное отношение в целом.

⁵ См., например: Маркова О. С. Общие черты административных правонарушений и преступлений // Административное и муниципальное право. 2018. № 6.

принуждения, предусмотренного уголовным и административным законами соответственно.

4. *Принцип вины.* Уголовный кодекс РФ устанавливает безальтернативный запрет на объективное вменение, т. е. привлечение к уголовной ответственности лиц, чья вина (в узком смысле – особое психическое отношение к совершенному деянию¹) не доказана. Не вдаваясь в изучение субъективной стороны состава преступления², отметим лишь, что, исходя из доктрины субъективно-объективного вменения, в рамках юрисдикции российского уголовного права к ответственности может быть привлечено лишь такое лицо, чье психическое отношение к совершенному деянию обладает признаками одного из видов вины (прямого, косвенного умысла и легкомыслия или небрежности соответственно). В отсутствие необходимых признаков, позволяющих квалифицировать психическое отношение лица, уголовная ответственность наступать не может.

5. *Кумулятивный характер перечня элементов состава преступления.* Положения ст. 8 УК РФ закрепляют, что основанием уголовной ответственности является установление в действиях субъекта всех признаков конкретного состава преступления. Это требование обращено не только к правоприменителю, как это может показаться на первый взгляд, но и к законодателю, который, предусматривая уголовную ответственность за конкретное деяние, должен наиболее полно отразить обязательные признаки преступления в статье Особенной части уголовного закона.

В то же время законодатель не включает в ст. 8 УК РФ перечень обязательных признаков состава преступления – эта юридическая конструкция выработана и систематизирована в доктрине, а не в нормативном тексте. Несмотря на это, говорить об отсутствии указанного перечня в тексте уголовного закона нельзя. Так или иначе все обязательные признаки состава преступления названы в ряде норм Общей части уголовного закона: объект уголовно-правовой охраны исчерпывающе описан в ст. 2 УК РФ; общественно опасное деяние – в ст. 3, 5, 9 и т. д.; общественно опасные последствия – в ст. 5, 9, 25 и т. д.; вина – в ст. 5, 24–28; субъект преступления – в ст. 19–22.

Следовательно, при толковании уголовно-правовых запретов для целей правоприменения судьи обязаны учитывать, что каждый запрет непременно содержит описание всех обязательных признаков, подлежащих установлению для привлечения лица к уголовной ответственности. В противном случае правоприменитель должен констатировать невозможность привлечения лица к ответственности ввиду отсутствия указания на хотя бы один из обязательных признаков (деяние, вину и т. д.) со ссылкой на ст. 8 УК РФ и положения его Общей части.

6. *Соответствие нормам Общей части уголовного закона.* Данное ограничение не может считаться общеправовым. Например, в гражданском праве положения его Общей части являются, скорее, отправными точками для их конкретизации в нормах части особенной³. Подобный подход для уголовного права немыслим – здесь нормы Общей части часто рассматриваются как гипотеза всех уголовно-правовых запретов⁴, что полностью исключает противоречие между структурными элементами норм права. Требование неукоснительного соблюдения норм Общей части в правоприменительной практике, скорее, является характеристикой охранительных отраслей, что и дает основание относить такое правило к уголовно-правовым контекстным ограничениям.

¹ Подробнее см.: Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950.

² О современных проблемах вины в уголовном праве см., например: Наумов А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-39-42; Шестало С. С. Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Юрист. 2019. № 9. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-9-64-69; Башлаков-Николаев И. В. О необходимости предупреждения объективного вменения при решении вопросов ответственности за коллективное доминирование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 2.

³ Например, в ст. 307.1 Гражданского кодекса РФ прямо указано на необходимость разрешать все содержательные коллизии между общей и особенной частями в пользу последней.

⁴ См., например: Уголовное право России: общая часть: учеб. / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.

Первым требованием о том, что ни одно правоприменительное толкование не может противоречить нормам Общей части уголовного закона, сформулировал А. С. Пиголкин¹.

Соблюдение всех перечисленных общеправовых и специально-уголовных контекстных ограничений, по нашему мнению, существенно сократит число неправомерных результатов правоприменительного толкования. Судье надлежит избрать для включения в итоговый правоприменительный акт тот результат интерпретации, который не входит в число дефектных, т. е. нарушающих хотя бы одно из описанных выше контекстных ограничений толкования.

Список литературы

Арямов А. А., Руева Е. О. Цифровое право как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 45–47.

Башлаков-Николаев И. В. О необходимости предупреждения объективного вменения при решении вопросов ответственности за коллективное доминирование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 2. С. 64–74.

Гузеева О. С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. С. 133–152. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-133-152.

Ильин А. В. Нарушение принципов равноправия и состязательности как основание для отмены судебных актов арбитражных судов в кассационном порядке // Закон. 2021. № 7. С. 70–80.

Колоколов Я. Н. Отечественный парламент лишен права на аутентическое толкование своих законов // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2. С. 20–24.

Лучин В. О., Мазуров А. В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. С. 90–103.

Маркова О. С. Общие черты административных правонарушений и преступлений // Административное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 1–8.

Науом А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 39–42. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-39-42.

Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учеб. М.: Норма, 2021. 560 с.

Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49–57.

Плотников Д. А. О научных взглядах на систему современного гражданского процессуального права России // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6. С. 112–139.

Рехтина И. В. Non bis in idem и правовая определенность в гражданском судопроизводстве России // Современное право. 2021. № 1. С. 56–60. DOI: 10.25799/NI.2021.67.48.009.

Суркова С. В. Расширительное толкование норм права // СПС «КонсультантПлюс». 2022.

Теория государства и права: в 2 т. Т. 2: Особенная часть: учеб. и практикум для вузов / под общ. ред. А. П. Альбова, С. В. Никулиной. М.: Юрайт, 2023. 336 с.

Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность»: учеб. пособие для вузов / под ред. Р. А. Ромашова, Е. Л. Харьковского. М.: Юрайт, 2023. 441 с.

Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 516 с.

Уголовное право России: общая часть: учеб. / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. 1061 с.

Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950. 318 с.

Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. Т. 4. С. 8–696.

Шестало С. С. Новый раунд борьбы с экстремизмом: уголовная ответственность за распространение запрещенных материалов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Юрист. 2019. № 9. С. 64–69. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-9-64-69.

Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. 192 с.

Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. Copenhagen: Brill Publishers, 2019. 383 p. DOI: <https://doi.org/10.1628/978-3-16-158164-9>.

Canale, D., Tuzet, G. Analogical reasoning and extensive interpretation // Archiv Fuer Rechts Und Sozialphilosophie. 2017. Bd. 103. № 1. S. 117–135.

Lavrysen L. Human Rights in a Positive State. Cambridge: Intersentia, 2016. 428 p.

¹ Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева.

References

- Al'bov A.P., Nikol'yukin S. V. (2023) *Teoriya gosudarstva i prava: in 2 vols. Vol. 2: Osobennaya chast'* [Theory of state and law: in 2 vols. Vol. 2. Special part]. Moscow, Yurait, 336 p.
- Ammann O. (2020) *Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example*. Copenhagen, Brill Publishers, 383 p.
- Aryamov A. A., Rueva E. O. (2020) Tsifrovoye pravo kak ob"ekt ugolovno-pravovoi okhrany [Digital law as an object of criminal law protection]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no 1, pp. 45–47.
- Bashlakov-Nikolaev I. V. (2020) O neobkhodimosti preduprezhdeniya ob"ektivnogo vmeneniya pri reshenii voprosov otvetstvennosti za kollektivnoe dominirovanie [On the need to prevent objective imputation in resolving issues of responsibility for collective dominance]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 2, pp. 64–74.
- Canale D., Tuzet G. (2017) Analogical Reasoning and Extensive Interpretation. In *Archiv Fuer Rechts Und Sozialphilosophie*, vol. 103, no. 1, pp. 117–135.
- El'kind P. S. (1967) *Tolkovanie i primeneniye norm ugolovno-protsessual'nogo prava* [Interpretation and application of the norms of criminal procedure law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 192 p.
- Guzeeva O. S. (2021) Konstitutsionnye osnovy ugolovnoi otvetstvennosti za zloupotrebleniye pravami i svobodami [Constitutional framework of criminal liability for abuse of rights and freedoms]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 1, pp. 133–152, DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-133-152.
- Il'in A. V. (2021) Narusheniye printsipov ravnopraviya i sostyazatel'nosti kak osnovaniye dlya otmeny sudebnykh aktov arbitrazhnykh sudov v kassatsionnom poryadke [Violation of the principles of equality and competitiveness as a basis for the cancellation of judicial acts of arbitration courts in cassation]. In *Zakon*, no. 7, pp. 70–80.
- Kolokolov Ya. N. (2011) Otechestvennyi parlament lishen prava na autenticheskoye tolkovaniye svoikh zakonov [The domestic parliament is deprived of the right to an authentic interpretation of its laws]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*, no. 2, pp. 20–24.
- Kropachev N. M., Volzhenkin B. V., Orekhov B. V. (2006) *Ugolovnoye pravo Rossii: Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia: General part]. Saint Petersburg, Izdatel'skii Dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1061 p.
- Lavrysen L. (2016) *Human Rights in a Positive State*. Cambridge, Intersentia, 428 p.
- Luchin V. O., Mazurov A. V. (2001) Tolkovaniye Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (obzor praktiki Konstitutsionnogo Suda) [Interpretation of the Constitution of the Russian Federation (review of the practice of the Constitutional Court)]. In *Pravo i vlast'*, no. 1, pp. 90–103.
- Markova O. S. (2018) Obshchie cherty administrativnykh pravonarushenii i prestuplenii [Common features of administrative offenses and crimes]. In *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo*, no. 6, pp. 1–8.
- Naumov A. V. (2022) Vina kak priznak prestupleniya i printsip Ugolovnogo kodeksa RF [Guilt as a crime attribute and a principle of the Criminal Code of the Russian Federation]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 5, pp. 39–42, DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-39-42.
- Nersesyants V. S. (2021) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the State]. Moscow, Norma, 560 p.
- Pigolkin A. S. (1970) Obnaruzheniye i preodoleniye probelov prava [Detecting and bridging legal gaps]. In *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 49–57.
- Pigolkin A. S., Dmitriev Yu. A. (2023) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], 4th ed., reprint. and add. Moscow, Yurait, 516 p.
- Plotnikov D. A. (2021) O nauchnykh vzglyadakh na sistemu sovremennogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossii [On scientific views on the system of modern civil procedural law in Russia]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, vol. 11, no. 6, pp. 112–139.
- Rekhtina I. V. (2021) Non bis in idem i pravovaya opredelennost' v grazhdanskom sudoproizvodstve Rossii [Non bis in idem and legal certainty in civil proceedings of Russia]. In *Sovremennoye pravo*, no. 1, pp. 56–60.
- Romashov R. A., Khar'kovskiy E. L. (2023) *Teoriya gosudarstva i prava dlya obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Pravookhranitel'naya deyatel'nost'»* [Theory of state and law for students majoring in Law Enforcement]. Moscow, Yurait, 441 p.
- Shershenevich G. F. (2016) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. In Shershenevich G. F. *Izbrannoye: in 6 vols.*, ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut, vol. 4, pp. 8–696.
- Shestalo S. S. (2019) Novyi raund bor'by s ekstremizmom: ugolovnaya otvetstvennost' za rasprostraneniye zapreshchennykh materialov v informatsionno-telekommunikatsionnoi seti «Internet» [The new round of extremism combating: criminal liability for distribution of prohibited files on the Internet information and telecommunications network]. In *Yurist*, no. 9, pp. 64–69.
- Surkova S. V. (2022) Rasshiritel'noye tolkovaniye norm prava [Broad interpretation of the law]. In *SPS «Konsul'tantPlyus»*.
- Utevskey B. S. (1950) *Vina v sovetskom ugolovnom prave* [Guilt in Soviet criminal law]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 318 p.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Шевырталов Егор Павлович

Слушатель Уральского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0002-3874-0181 e-mail: shevyrtalove@yandex.ru.

Дерюгин Роман Александрович

Начальник кафедры криминалистики Уральского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург),
кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-6630-1354, e-mail: deryugin.r.a@mail.ru.

В статье рассмотрены криминалистические аспекты организации и проведения нового вида допроса, предусмотренного ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Проанализировано понятие «видео-конференц-связь» (ВКС). Сделан вывод о невозможности применения общедоступных ВКС и обязательности использования ведомственных программно-аппаратных комплексов при производстве дистанционного следственного действия, что обусловлено особенностями уголовного процесса. Описана последовательность проведения допроса путем использования систем ВКС.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, допрос, видео-конференц-связь, досудебные стадии, следователь, дистанционные следственные действия

Для цитирования: Шевырталов Е. П., Дерюгин Р. А. Организационно-тактические особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 45–50. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_45.

TACTICAL FEATURES OF CONDUCTING AN INTERROGATION THROUGH THE USE OF VIDEO CONFERENCING SYSTEMS

Shevyrtalov Egor

Cadet, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-3874-0181 e-mail: shevyrtalove@yandex.ru.

Deryugin Roman

Head of the chair, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
(Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-6630-1354,
e-mail: deryugin.r.a@mail.ru.

The article discusses the forensic aspects of the organization and conduct of a new type of interrogation established by Art. 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The concept of «video conferencing» is analysed. The authors conclude that it is impossible to use public video conferencing and it is permissible to use only departmental software and hardware complexes during the remote investigative action, due to the peculiarities of the criminal procedure. The sequence of interrogation through the use of video conferencing systems is described.

Key words: forensic tactics, interrogation, video conferencing, pre-trial stages, investigator, remote investigative actions

*For citation: Shevyrtalov E., Deryugin R. (2023) Tactical features of conducting an interrogation through the use of video conferencing systems. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 45–50, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_45.*

Стремительное развитие средств связи и информационных технологий качественно меняет способы совершения и сокрытия преступлений. Современные реалии ставят перед государственными органами задачи по обеспечению национальной безопасности¹, одной из которой является модернизация досудебных стадий уголовного судопроизводства. Так, 10 января 2022 г. вступил в силу Федеральный закон № 501-ФЗ, который расширил полномочия органов предварительного расследования по производству допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи (далее – ВКС). Тем самым государство поставило точку в спорах о возможности проведения на досудебных стадиях отдельных следственных действий дистанционно². Подобные изменения отвечают ускоренным темпам развития общественных отношений, а также соответствуют положениям Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», закрепляющим принцип использования в деятельности полиции достижений науки и техники, информационных систем, сетей связи, а также современных информационно-телекоммуникационных инфраструктур.

Интересно, что законодатель предоставил право на производство дистанционно не только допроса, но и очной ставки, предъявления для опознания. На возможность проведения этих следственных действий путем использования ВКС указывала В. А. Родивилина, отмечая, что предъявление для опознания с использованием ВКС по своей сути схоже с предъявлением для опознания по фотографии³. К названным трем следственным действиям А. А. Афанасьева добавляла такое процессуальное действие, как ознакомление участников уголовного судопроизводства с процессуальными документами, заключениями экспертиз⁴.

Новеллы Уголовно-процессуального кодекса РФ еще не рассмотрены с позиции криминалистики, поэтому анализ вопросов, возникающих при организации и производстве допроса, очной ставки, опознания путем использования систем ВКС, является актуальным.

В соответствии со ст. 189.1 УПК РФ следователь (дознатель) при необходимости имеет право провести допрос, очную ставку, опознание с использованием систем ВКС. Такая необходимость может возникнуть при наличии следующих обстоятельств:

лицо, в отношении которого проводится следственное действие, находится на большом удалении от субъекта уголовного преследования (вернулось в место постоянного проживания, переехало на новое постоянное место жительства, находится в длительной командировке);

лицо, в отношении которого проводится следственное действие, в силу болезни или иных причин (отбывание наказания, применение мер пресечения) не имеет возможности явиться к следователю⁵;

выезд следователя на место проведения следственного действия требует больших временных и материальных затрат.

Данный перечень не является исчерпывающим, каждое уголовное дело обладает уникальным набором обстоятельств, поэтому решение о проведении дистанционных следственных действий остается за следователем. Однако в ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ названы два обстоятельства, исключающие проведение дистанционного следственного действия. Речь идет о возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности. Если первое обстоятельство не вызывает сомнений, то со вторым можно поспорить. Ведь современные цифровые способы изменения внешности, такие как дипфейк, как раз могут обеспечить должный уровень конспирации и соблюдения мер безопасности охраняемого лица.

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Плахота К. С. Использование видео-конференц-связи при расследовании преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3. С. 97.

³ Родивилина В. А. Некоторые вопросы применения видеоконференцсвязи в досудебном производстве // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 2. С. 281.

⁴ Афанасьева А. А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 3. С. 373.

⁵ Койсин А. А. Правовые основы применения технико-криминалистических средств на предварительном следствии и в суде // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4. С. 99.

В приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» сказано, что видео-конференц-связь – способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами. Хотя в УПК РФ данное понятие встречается 13 раз, оно не закреплено нормативно, что идет вразрез с концепцией уголовно-процессуального закона, по которой все основные понятия должны быть определены в ст. 5 УПК РФ. Однако использовать определение, приведенное Судебным департаментом, мы не можем, в силу того что оно касается всех видов судопроизводства и не учитывает особенности уголовного процесса, а именно:

его закрытый характер, точнее недопустимость разглашения данных предварительного расследования;

важность всех сведений, сообщенных во время следственных действий, результаты которых будут использованы как доказательства по уголовному делу;

наличие особых прав и обязанностей у участников уголовного судопроизводства.

Считаем, что содержание понятия «видео-конференц-связь» наиболее полно раскрыто в работе В. Н. Бодякова и Р. М. Морозова, где сказано, что это «компьютерно-цифровая технология, которая в установленных в уголовно-процессуальном законе случаях и порядке обеспечивает надлежащее качество дистанционного аудиовизуального взаимодействия в режиме реального времени нескольких абонентов – участников уголовного судопроизводства, в целях обмена аудио- и видеoinформацией посредством обособленной телекоммуникационной сети либо с использованием закрытых каналов сети „Интернет“»¹.

По мнению О. В. Овчинниковой, комплекс системы ВКС «представляет собой стационарный, специально разработанный программный комплекс, обеспечивающий передачу визуальной информации по защищенным каналам связи, соответственно, его установка возможна лишь в помещениях правоохранительных и судебных органов»². Полагаем, что это определение учитывает особенности уголовного судопроизводства. Однако отметим, что размещение систем ВКС исключительно в помещениях правоохранительных и судебных органов не всегда возможно и не всегда получается доставить лицо для проведения следственного или процессуального действия в орган предварительного расследования.

Напомним, что в рамках ст. 189.1 УПК РФ не исключено проведение допроса, очной ставки, опознания в месте нахождения лица, в отношении которого проводится следственное действие. Однако при проведении следственных действий в указанной ситуации возникает ряд проблем.

Приведем пример. Следователь по поручению прибыл в место нахождения лица, участие которого в следственном действии, проводимом с использованием ВКС, признано необходимым. Каким образом и при помощи каких технических средств следователь будет проводить это мероприятие вне стен органа дознания, если наиболее популярные общедоступные средства ВКС (Skype, Zoom, Google Meet и др.), работающие только через Интернет, не обеспечивают должный уровень защиты данных? Известны случаи использования названных средств ВКС в следственной практике. Так, при расследовании уголовного дела по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 226 УК РФ возникла необходимость проведения очной ставки с применением ВКС, так как потерпевший уехал в другую страну на длительное время; очная ставка была проведена при помощи видеосвязи в WhatsApp³.

На наш взгляд, использование общедоступных средств ВКС недопустимо, потому что они не отвечают всем требованиям защиты информации и, как следствие, могут привести к нарушению ст. 161 УПК РФ.

¹ Бодяков В. Н., Морозов Р. М. Актуальные вопросы внедрения института производства отдельных следственных действий, проводимых дистанционно с использованием видеоконференцсвязи в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института 2021. № 2. С. 130.

² Овчинникова О. В. Перспективы применения видеоконференцсвязи при производстве дознания // Вестник Уральского юридического института МВД России 2019. № 1. С. 29.

³ Архив ОМВД России по г. Нефтекамск Республики Башкортостан. Оп. 1. Д. 12001800043001461. 156 л.

Еще в 2014 г. российской IT-компанией «TrueConf» специально для МВД была разработана и внедрена ВКС «СВКС-М»¹. Эта система представляет собой программно-аппаратный комплекс, входящий в электронный документооборот ИСОД МВД²; серверы, необходимые для ее работы, развернуты в центральном аппарате МВД России и во всех российских регионах. Для защиты информации рабочие станции ведомства должны быть подключены к внутренней сети ИМТС (интегрированная мультисервисная телекоммуникационная система), представляющей собой крупную внутриведомственную VPN³. Особенностью ВКС «СВКС-М» является то, что во время сеанса видео-конференц-связи компьютер не может быть одновременно подключен к ИМТС и Интернету. Данная технология используется как на стационарных компьютерах, так и на планшетах со специальной SIM-картой.

Для проведения дистанционного допроса, очной ставки, опознания в порядке ст. 189.1 УПК РФ реализуется следующий алгоритм:

1. Следователь (дознатель), в производстве которого находится уголовное дело, при возникновении необходимости проведения допроса, очной ставки, опознания посредством ВКС определяет место нахождения лица, в отношении которого требуется провести следственное действие. После устанавливает техническую возможность производства следственных действий как в своем подразделении, так и по месту нахождения лица, участвующего в следственном действии. При наличии такой возможности следователь по месту нахождения лица отправляет поручение об организации участия данного лица в следственном действии в орган дознания в порядке п. 4.1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Данное поручение может быть отправлено как письменно, так и в электронной форме при помощи сервиса электронного документооборота (СЭД МВД России). В поручении необходимо указать:

- конкретное следственное действие, которое нужно провести;
- лицо, подлежащее вызову для проведения следственного действия, его место нахождения, краткую характеристику и процессуальный статус;
- дату и время производства следственного действия (если место его проведения находится в другом часовом поясе, то указать как местное, так и поясное время);
- иную информацию, необходимую для организации и проведения следственного действия.

Стоит отметить, что местом проведения следственного действия является то место, где находится орган, осуществляющий расследование по данному делу.

2. Следователь, который поручил производство следственного действия, предусматривает средства фиксации его хода. Кроме «классических» средств фиксации, таких как протокол (ст. 166 УПК РФ), законодатель в ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ обязал правоприменителя в ходе следственного действия использовать видеозапись и приобщать ее к протоколу. Ведение видеозаписи на протяжении всего следственного действия позволит следователю:

- при воспроизведении видеозаписи обнаружить упущения, допущенные им в ходе допроса;
- доказать необоснованность утверждений допрашиваемого о несоответствии данных им показаний содержанию протокола;
- использовать полученные данные и видеозапись в дальнейшем при расследовании уголовного дела, а также в судебном разбирательстве;
- проанализировать психологический и эмоциональный настрой гражданина, реакцию на задаваемые вопросы, что в целом поможет оценить показания (степень их искренности);
- получить при необходимости фонографическую характеристику допрашиваемого, в которой будут отражены особенности его голоса и устной речи;

¹ В России работает «самая большая в мире» система видеоконференцсвязи // Труконф: офиц. сайт. 2016. 18 марта. URL: <https://trueconf.ru/blog/in-the-news/in-the-news-v-rossii-rabotaet-samaya-bolshaya-v-mire-sistema-videokonferentsyazy> (дата обращения: 04.05.2022).

² ИСОД – информационная система обеспечение деятельности ОВД МВД России, реализованная в формате сервисов, таких как система электронного документооборота.

³ VPN (англ. Virtual Private Network – виртуальная частная сеть) – технология, обеспечивающая безопасное зашифрованное подключение пользователя к сети, позволяющая ему обходить локальные ограничения и сохранять конфиденциальность.

признать часть записанной на камеру информации доказательством в случае отказа допрашиваемого продолжать давать показания и ставить свою подпись в протоколе;

назначить в случае необходимости экспертизу для идентификации личности допрашиваемого (как по голосу, так и по видеоизображению)¹.

Осуществлять видеозапись можно двумя основными способами. Первый заключается в использовании двух видеокамер: одна размещается по месту проведения следственного действия, вторая – по месту нахождения лица, в отношении которого проводится следственное действие. Второй способ – использование ведомственной ВКС «СВКС-М», которая обладает функцией записи сеансов видео-конференц-связи в различных режимах:

запись изображения и звука с мультимедийных устройств компьютера вне конференции;

запись изображения и звука в ходе всех типов конференций;

запись изображения собеседника и разговора с ним в ходе персональной конференции.

Последний режим считаем наиболее подходящим для целей уголовного судопроизводства. Думается, что использование двух способов видеозаписи одновременно даст максимальный эффект.

3. Перед началом следственного действия принимаются меры по идентификации участвующего в нем лица. Следователю, которому поручено провести следственное действие по месту нахождения его участника, необходимо проверить подлинность документа, подтверждающего личность участника следственного действия, и его соответствие информации, представленной в поручении. Следователю, поручившему проведение следственного действия, нужно визуально сличить фотографию в документах с изображением лица, полученным посредством ВКС.

4. Следователь проверяет, взял ли следователь (дознатель) по месту нахождения участников следственного действия подписку, удостоверяющую, что им разъяснены их права, обязанности, ответственность и порядок производства следственного действия, а также выясняет, сделана ли запись об оглашении данным лицам протокола следственного действия.

5. Следователь проводит допрос, очную ставку, опознание.

6. По окончании следственного действия следователь напоминает участникам об их праве отметить замечания, дополнения и уточнения в протоколе.

7. После окончания следственного действия в течение 24 часов следователь получает подписку, указанную в пункте 4, и приобщенные к ней в ходе следственного действия документы и материалы, а также ордер адвоката лица, участвовавшего в следственном действии. Перечисленное следователь приобщает к протоколу следственного действия. С целью соблюдения процессуальных сроков не исключено использование СЭД МВД России.

Еще до принятия ст. 189.1 УПК РФ Н. А. Архипова отметила, что закрепленная в законе возможность использования ВКС при допросе позволит повысить достоверность получаемых показаний². Н. Г. Шурухнов также подчеркивает важность разработки тактики и технологии производства процессуальных действий с применением современных технических средств³. Действительно, кто, как не следователь, ведущий расследование по уголовному делу, знает все нюансы, связанные с событием преступления, характеристику личности допрашиваемых и иных участников следствия и т. п. Отметим, что при использовании ВКС в ходе допроса усложняется процесс организации следственного действия (подбор техники, обеспечение качественной связи, привлечение к следственному действию большего числа участников и т. п.).

¹ Плахота К. С. Использование следователем (дознателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 99.

² Архипова Н. А. Некоторые организационно-тактические аспекты применения видеоконференцсвязи в ходе предварительного расследования // Закон и право. 2019. № 11. С. 159.

³ Шурухнов Н. Г. Современная преступность (истoki, направленность, техническая оснащенность, способы совершения, сокрытия): содержание рекомендаций по раскрытию и расследованию // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 134.

При этом следователь может использовать весь арсенал тактических приемов, увидеть реакцию допрашиваемого на вопросы и получить более качественный результат, нежели в ситуации, когда допрос проводится согласно поручению и только по обозначенным в нем вопросам лицом, не в полной мере владеющим информацией о расследовании.

Список литературы

Архипова Н. А. Некоторые организационно-тактические аспекты применения видеоконференцсвязи в ходе предварительного расследования // Закон и право. 2019. № 11. С. 156–159.

Афанасьева А. А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 3. С. 370–374. DOI: 10.37973/KUI.2021.36.11.014.

Бодяков В. Н., Морозов Р. М. Актуальные вопросы внедрения института производства отдельных следственных действий, проводимых дистанционно с использованием видеоконференцсвязи в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 2. С. 115–131.

Койсин А. А. Правовые основы применения технико-криминалистических средств на предварительном следствии и в суде // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4. С. 95–99.

Овчинникова О. В. Перспективы применения видеоконференцсвязи при производстве дознания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 28–31.

Плахота К. С. Использование видео-конференц-связи при расследовании преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3. С. 94–98.

Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 98–105. DOI: 10.24412/2071-6184-2022-1-98-105.

Родивилина В. А. Некоторые вопросы применения видеоконференцсвязи в досудебном производстве // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 2. С. 278–281.

Шурухнов Н. Г. Современная преступность (истoki, направленность, техническая оснащенность, способы совершения, сокрытие): содержание рекомендаций по раскрытию и расследованию // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 123–136.

References

Afanas'eva A. A. (2021) Distantcionnyj dopros: sostoyanie i perspektivy [Remote interrogation: state and prospects]. In *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, vol. 12, no. 3, pp. 370–374. DOI: 10.37973/KUI.2021.36.11.014.

Arhipova N. A. (2019) Nekotorye organizatsionno-takticheskie aspekty primeneniya videokonferents'svyazi v khode predvaritel'nogo rassledovaniya [Some organizational and tactical aspects of the use of videoconferencing during the preliminary investigation]. In *Zakon i pravo*, no 11, pp. 156–159.

Bodyakov V. N., Morozov R. M. (2021) Aktual'nye voprosy vnedreniya instituta proizvodstva otdel'nykh sledstvennykh deistvii, provodimykh distantsionno s ispol'zovaniem videokonferents'svyazi v mestakh lisheniya svobody [Topical issues of the introduction of the institute of production of individual investigative actions conducted remotely using videoconferencing in places of deprivation of liberty]. In *Vestnik Kuzbasskogo institute*, no. 2, pp. 115–131.

Koysin A. A. (2007) Pravovye osnovy primeneniya tekhniko-kriminalisticheskikh sredstv na predvaritel'nom sledstvii i v sude [Legal bases of the use of technical and forensic means at the preliminary investigation and in court]. In *Sibirskii juridicheskii vestnik*, no. 4, pp. 95–99.

Ovchinnikova O. V. (2019) Perspektivy primeneniya videokonferents'svyazi pri proizvodstve doznaniya [Prospects of video conference communication application in the production of recognition]. In *Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1, pp. 28–31.

Plakhota K. S. (2021) Ispol'zovanie video-konferents-svyazi pri rassledovanii prestuplenii [Using video conference in crime investigation]. In *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, no. 3, pp. 94–98.

Plakhota K. S. (2022) Ispol'zovanie sledovatelem (doznavatelem) video-konferents-svyazi pri proizvodstve sledstvennykh deistvii [Use of video conference communication by the investigator (interrogate) in the production of investigative actions]. In *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i juridicheskie nauki*, no. 1, pp. 98–105, DOI: 10.24412/2071-6184-2022-1-98-105.

Rodivilina V. A. (2015) Nekotorye voprosy primeneniya videokonferents'svyazi v dosudebnom proizvodstve [Some issues of video conferencing application in prejudicial procedure]. In *Vestnik Irkut'skogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 278–281.

Shurukhnov N. G. (2013) Sovremennaya prestupnost' (istoki, napravlennost', tekhnicheskaya osnashchennost', sposoby soversheniya, sokrytiya): sodержание rekomendatsii po raskrytiyu i rassledovaniyu [Modern crime (origins, orientation, technical equipment, methods of commission, concealment): contents of recommendations for disclosure and investigation]. In *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i juridicheskie nauki*, no. 4-2, pp. 123–136.

ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ ПРИ САНАЦИИ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА

Карелина Светлана Александровна

Профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0001-8669-2068, e-mail: svetlanakarelina@mail.ru.

Осокин Александр Владиславович

Студент юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва), ORCID: 0000-0002-2392-6813, e-mail: osokin2001@yandex.ru.

Осуществление банковского надзора является одним из ключевых полномочий Банка России, что обуславливает расширение соответствующих надзорных полномочий в различных сферах финансового регулирования, в том числе при банкротстве кредитной организации. Предусмотренный в п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве специальный механизм возмещения убытков Банком России при санации кредитной организации обладает публичной природой, с помощью него Банк России реализует свои полномочия по осуществлению банковского надзора. При этом использование данного механизма не исключает применения иных банкротных инструментов защиты прав кредиторов. Такой механизм возмещения убытков отличается от ответственности контролирующих лиц при банкротстве, обусловлен целевым назначением финансирования, а также особенностями сферы банковского регулирования.

Ключевые слова: банковский надзор, банкротство кредитной организации, ответственность контролирующих лиц, убытки, санация кредитной организации

Для цитирования: Карелина С. А., Осокин А. В. Взыскание убытков при санации кредитной организации как инструмент банковского надзора // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 51–58. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_51.

RECOVERY OF LOSSES DURING THE SANITATION OF A CREDIT COMPANY AS A TOOL FOR BANKING SUPERVISION

Karelina Svetlana

Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-8669-2068, e-mail: svetlanakarelina@mail.ru.

Osokin Alexander

Student, Lomonosov Moscow State University (Moscow), ORCID: 0000-0002-2392-6813, e-mail: osokin2001@yandex.ru.

Banking supervision is one of the key powers of the Bank of Russia, which leads to the expansion of the relevant supervisory powers in various areas of financial regulation, including bankruptcy of a credit company. A special mechanism for recovery of losses by the Bank of Russia during the sanitation of a credit company, provided for in para. 5 of Art. 189.23 of the Bankruptcy Law, has a public nature; the Bank of Russia uses it to implement its powers of banking supervision. At the same time, the implementation of this mechanism does not exclude the use of other bankruptcy instruments for protecting the rights of creditors. Such a mechanism for recovery of losses differs from the liability of controlling persons in bankruptcy; these differences are due to the purpose of financing, as well as the peculiarities of the sphere of banking regulation.

Key words: banking supervision, bankruptcy of a credit company, liability of controlling persons, losses, sanitation of a credit company

*For citation: Karelina S., Osokin A. (2023) Recovery of losses during the sanitation of a credit company as a tool for banking supervision. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 51–58, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_51.*

На современном этапе развития отечественной банковской системы ключевой функцией регулятора в лице Банка России и подконтрольных ему организаций является осуществление надзора за эффективностью и правомерностью банковской деятельности¹. Г. А. Тосунян отмечал, что значение общих запретов как интегрирующих элементов в структуре банковского права возрастает в связи со специализацией данной отрасли, когда в правовом регулировании деятельности кредитных организаций и Банка России предусматриваются отдельные варианты их поведения, особенности ситуаций, своеобразие их правового положения; разрешительный тип правового регулирования непосредственно соотносится с необходимостью высокой упорядоченности отношений в сфере банковской деятельности². Следовательно, банковское регулирование является одним из наиболее жестких, что, в том числе, проявляется в значительном числе полномочий Банка России в сфере контроля и надзора за функционированием банковской системы³.

Одним из направлений банковского надзора является осуществление контроля над проведением процедуры несостоятельности (банкротства) кредитной организации, в частности санации кредитной организации, а также иных банкротных процедур, с учетом особенностей правового статуса должника. Е. Б. Лаутс отмечает, что регуляторным органам надлежит не усиливать направленность на разработку мер финансового оздоровления, а сместить акцент на восстановление платежеспособности особо значимых банков во избежание системных издержек⁴. В связи с этим привлекают внимание положения п. 5 ст. 189.23 Федерального закона от 26 октября 2002 № 127-ФЗ (ред. от 28 июня 2022 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), которые закрепляют не только экстраординарный способ защиты прав кредиторов, но и весьма эффективное полномочие по регулированию финансовых рынков и осуществлению банковского надзора.

Данное правило, с одной стороны, управомочивает специальных субъектов на взыскание убытков с контролирующей кредитную организацию лиц. С другой стороны, подобное взыскание убытков связано не только с получением исключительно имущественного удовлетворения, но и с приобретением контроля над деятельностью определенной кредитной организации.

На наш взгляд, доктринальное понимание п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве не учитывает публично-правовую природу зафиксированного в этой норме полномочия Банка России. В частности, цивилистический анализ взыскания убытков при санации кредитной организации направлен на поиск частноправовых основ данной правовой конструкции⁵. В связи с этим необходимо рассмотрение обозначенного полно-

¹ Совещание о ситуации в банковской сфере // Президент России. 2021. 1 февр. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64955> (дата обращения: 31.07.2022).

² Тосунян Г. А. Актуальные проблемы банковского и смежного законодательства. М.: Олимп-Бизнес, 2011. Вып. 1. С. 20, 22.

³ Банковское законодательство предоставляет Банку России значительные контрольно-надзорные полномочия, проистекающие как из специализированного банковского законодательства, так и из смежных отраслей законодательства, например законодательства о банкротстве. В таких отраслях закрепляется привилегированный статус кредитной организации как кредитора и устанавливается специализированный правовой режим банкротства кредитных организаций с активным участием Банка России и подконтрольных ему органов (организаций).

⁴ Лаутс Е. Б. Особенности участия Банка России в предупреждении банкротства банков // Закон. 2017. № 12. С. 131.

⁵ Егоров А. В. Нетипичные убытки по абз. 2 п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве: парадокс или потаенный смысл? // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 4; Скловский К. И. О юридической природе требования о взыскании убытков в случае санации банка на основании п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сб. ст., посвящ. юбилею проф. В. В. Витрянского / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2021.

мочия не как средства правовой защиты кредиторов в деле о банкротстве, а как регуляторного полномочия Банка России.

Целесообразно проанализировать следующие аспекты: 1) характер взаимоотношений между регулятором и кредитной организацией; 2) соотношение ответственности контролирующего должника лица (далее – КДЛ) при банкротстве и взыскания убытков при санации кредитной организации; 3) механизм взыскания убытков при санации кредитной организации.

1. Характер взаимоотношений между регулятором и кредитной организацией.

Российская банковская система централизованная, в ее рамках регуляторный орган – Банк России – имеет значительное количество полномочий по допуску организаций к банковскому регулированию и банковскому надзору¹. Централизованная система предопределяет наличие широкого перечня полномочий по регулированию соответствующего рынка, вследствие чего они нередко рассматриваются как дискреционные². На наш взгляд, трудно назвать дискреционным полномочие, которое распространяется на ограниченное число субъектов в условиях необходимости повышенного государственного участия в конкретной сфере экономической деятельности³.

В доктрине отмечается, что банковский надзор наиболее эффективен в централизованных системах с сильными государственными органами, обладающими существенными возможностями по жесткому регулированию банковского сектора⁴. Банк России при осуществлении банковского надзора следует Базельским принципам, которые являются руководящими для банковского регулирования во многих юрисдикциях. При осуществлении банковского надзора регулятору надлежит формировать развитую банковскую инфраструктуру, которая позволит устранять ослабевающие элементы банковской системы, а также будет способствовать справедливому разрешению возникающих споров, в том числе посредством законодательства о банкротстве (п. 50)⁵. Именно поэтому при осуществлении банковского надзора весьма важно использование банкротного инструментария.

Закон о банкротстве содержит множество существенных исключений, предусмотренных для кредитных организаций, участвующих в производстве по делу о банкротстве как в качестве кредитора (например, абз. 2 п. 2 ст. 7, ст. 61.4, ст. 138 Закона о банкротстве), так и в качестве должника (§ 4 и 4.1 гл. IX Закона о банкротстве). При этом положения гл. III.2 Закона о банкротстве, касающиеся привлечения КДЛ к ответственности при банкротстве, практически не учитывают особенности функционирования кредитной организации⁶. В связи с этим В. Н. Ткачев говорит о необходимости легализации специального правового механизма привлечения к ответственности лиц, контролирующих деятельность кредитной организации⁷.

2. Соотношение ответственности КДЛ при банкротстве и взыскания убытков при санации кредитной организации.

Ответственность лиц, контролирующих де-

¹ Статьи 56–76 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

² В частности, А. В. Егоров указывает на дискреционность полномочия, закрепленного в п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве, со ссылкой на судебную практику, касающуюся деятельности ординарных хозяйственных обществ (Подробнее см.: Егоров А. В. Указ. соч. С. 61–68).

³ На 1 июня 2022 г. на территории РФ функционируют 363 кредитные организации. Подробнее см.: Количественные характеристики банковского сектора Российской Федерации // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/ (дата обращения: 31.07.2022).

⁴ Barth J. R., Caprio G., Levine R. Bank Regulation and Supervision: What Works Best? // Journal of Financial Intermediation. 2004. Vol. 13. Is. 2. P. 205–248.

⁵ Core Principles for Effective Banking Supervision, Basel Committee on Banking Supervision, September 2012. URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs230.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ Положения пп. 1–4, 7–12 ст. 189.23 Закона о банкротстве содержат лишь уточнения применительно к определению лиц, контролирующих кредитную организацию, а также дополняют нормы ст. 61.10, 61.11 Закона о банкротстве, но без должной дифференциации ответственности КДЛ при банкротстве кредитной организации. При этом подобная дифференциация обеспечивается положениями п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве, которые, в сущности, предусматривают новый вид ответственности для лиц, контролирующих деятельность кредитной организации.

⁷ Ткачев В. Н. Теоретические и практические проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) особых категорий субъектов конкурсного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 19–21.

тельность кредитной организации, представляется эффективным инструментом для поиска реальных бенефициаров кредитной организации, что в итоге позволяет наиболее полным образом удовлетворить требования кредиторов. При этом ответственность на основании п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве, несмотря на упречность данной правовой конструкции, имеет совершенно другую направленность в сравнении с классической ответственностью КДЛ при банкротстве: она ориентирована на сохранение функционирования банковской инфраструктуры, передачу ее в управление новому руководству при содействии регулятора, а также компенсацию возникающих у Банка России расходов при проведении санации. Следовательно, данное полномочие является автономным в контексте ответственности КДЛ при банкротстве кредитной организации, поскольку, несмотря на включение данных положений в ст. 189.23 Закона о банкротстве, оно обладает публично-правовым эффектом.

Существуют следующие основания для признания ответственности лиц, контролирующих деятельность кредитной организации, автономной и публично-правовой.

Во-первых, абз. 1 п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве указывает на строго определенный перечень органов, уполномоченных на взыскание убытков, понесенных при проведении санации кредитной организации. Анализ соответствующих положений свидетельствует о том, что правом на взыскание подобных убытков обладает регулятор либо подконтрольные ему органы¹. В данном случае эти органы не причастны к деятельности той или иной кредитной организации, а лишь являются посредниками в реализации публично-правовых полномочий Банка России, у которого отсутствует всякий имущественный интерес в возвращении финансирования, направленного на санацию кредитной организации.

Обращаясь к зарубежному опыту, следует отметить, что в банковской системе США подобные функции выполняет специализированное правительственное агентство, являющееся прообразом государственной компании «Агентство по страхованию вкладов», – *The Federal Deposit Insurance Corporation* (далее – *FDIC*). В компетенцию данного органа входит страхование вкладов, а также проведение санации кредитных организаций с введением административного управления банком либо сменой его руководства в случае несостоятельности. Интересной особенностью *FDIC* как участника процедуры банкротства является то, что его решения как публично-правового органа не могут выступать объектом судебного или административного контроля². Примечательно, что в США *FDIC* подчиняется не Федеральной резервной системе (аналог Центрального банка РФ), а органам исполнительной власти США. Подобное обстоятельство, вероятно, связано с тем, что Федеральной резервной системе не удалось предотвратить финансово-экономический кризис 1929–1933 гг., а потому создаваемый финансовый регулятор стал подотчетным органам исполнительной власти США.

При этом, как отмечает Э. Моррисон, *FDIC* при выборе стратегии в отношении несостоятельного банка может воспользоваться рядом классических процедур (таких как конкурсное производство, государственная поддержка кредитной организации и т. п.), а также прибегнуть к новейшим стратегиям управления банком – передаче банка в управление новым собственникам или привлечению бридж-банка (отечественный аналог – введение временной финансовой администрации)³. Отмечается,

¹ По смыслу действующего банковского законодательства как государственная компания «Агентство по страхованию вкладов» (ГК «АСВ»), так и общество с ограниченной ответственностью «Управляющая компания Фонда консолидации банковского сектора» (ООО «УК ФКБС») являются подконтрольными Банку России. В совет директоров ГК «АСВ» включаются *ex officio* семь представителей Банка России, в том числе его председатель (ст. 18 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»). ООО «УК ФКБС» учреждается Банком России, который выступает единственным участником данного хозяйственного общества (ст. 76.10 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

² Единственным исключением из данного правила является возможность обжалования решения *FDIC* о введении конкурсного производства в отношении кредитной организации. В сравнительно-правовом аспекте отечественное законодательство о банкротстве предоставляет значительно больше правовых средств контроля над деятельностью ГК «АСВ», а также иных публично-правовых органов (организаций), предусматривая возможность обжалования их действий и т. п.

³ *Morrison E. R. It the Bankruptcy Code an Adequate Mechanism for Resolving the Distress of Systematically Important Institutions? // Temple law review. 2009. Vol. 82. P. 454–457.*

что стратегия по передаче банка в управление новым собственникам является предпочтительной, поскольку исключает необходимость санации кредитной организации, которая может оказаться неэффективной. Банкротное и банковское право США предполагает активное участие государственных органов в процедуре банкротства кредитной организации.

Во-вторых, публично-правовой статус Банка России предопределяет характер реализации рассматриваемого полномочия, которое ориентировано на возврат целевых денежных средств, направленных на санацию кредитной организации, и выступает, по сути, компенсационным механизмом. Обычно используемое для санации кредитной организации финансирование представляет собой целевую государственную субсидию¹.

Проблема государственной поддержки кредитных организаций возникла в европейском банковском праве в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., когда кредитные организации, рассчитывая на помощь государства, осуществляли заведомо рискованные операции, что влекло их неплатежеспособность. Финансирование государством таких кредитных организаций актуализировало проблему их иждивенчества, когда они были не заинтересованы в поиске оптимальных и безопасных бизнес-моделей, надеясь на помощь государства при возникновении убытков.

В связи с этим европейские регуляторы постепенно отказывались от механизмов санации *bail-out* (публичной санации) в пользу механизмов санации *bail-in* (частной санации). При санации *bail-in* регулятор не использует бюджетные средства для спасения кредитной организации, а способствует ее самофинансированию либо привлечению финансирования третьих лиц для предотвращения банкротства банка². В связи с этим вопрос о взыскании убытков при санации кредитной организации за счет КДЛ неактуален, поскольку регулятор в таком случае устраняется от санации банка.

В-третьих, взыскание убытков регуляторным органом с лиц, контролирующих деятельность кредитной организации, не исключает возможности привлечения КДЛ к ответственности на основании ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве, а также взыскания убытков по корпоративным основаниям (например, ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ). Судебная практика подтверждает данную позицию, указывая на возможность применения одновременно нескольких средств правовой защиты³. Подобная ситуация объясняется автономным характером ответственности КДЛ, необходимой для противодействия недобросовестному осуществлению экономической деятельности⁴.

Следовательно, при сопоставлении ответственности КДЛ при банкротстве и взыскания убытков при санации кредитной организации прослеживаются различия в целевом назначении данных институтов: привлечение к ответственности КДЛ при банкротстве является субъективным правом конкурсных кредиторов, а взыскание убытков при санации банков – полномочием Банка России и подконтрольных ему органов (организаций). Кроме того, наделение правом на взыскание убытков лишь публично-правовых органов свидетельствует о целевом характере данного полно-

¹ В ином случае состав убытков, предусмотренный абз. 2 п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве, предполагал бы не только возмещение финансирования, но и выплату соответствующих процентов за пользование денежными средствами, что свидетельствовало бы о наличии имущественного интереса в возвращении такого финансирования. Кроме того, Н. А. Петрова отмечает, что публичный интерес государства в контроле над банковской деятельностью заключается в том, что оно должно создавать условия для нормального функционирования гражданского оборота и участников банковского сектора (Петрова Н. А. Соотношение частных и публичных интересов в банковском праве // Юридическая работа в кредитной организации. 2005. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

² Антипкина О. В. Механизмы санации банков *bail-out* и *bail-in* в европейском банковском праве: достоинства и недостатки // Закон. 2018. № 3. С. 165, 168–170.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 августа 2021 г. № Ф05-1504/2018 по делу № А40-75888/2016; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 апреля 2021 г. № 09АП-75032/2020, 09АП-75038/2020, 09АП-28/2021 по делу № А40-75888/2016.

⁴ Осокин А. В. К вопросу о второстепенном (субсидиарном) характере конструкции ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. С. 65–67.

мочия, как и то обстоятельство, что финансирование при санации банка обладает публичной природой.

3. Механизм взыскания убытков при санации кредитной организации. С учетом того, что отечественное банкротное право не воспринимает механизмы частной санации¹, оптимальным для регулятора вариантом компенсации санационного финансирования является взыскание убытков на основании п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве. Исключительность данного полномочия подразумевает наличие специального механизма его реализации. Актуальная судебная практика смешивает классическую субсидиарную ответственность по гл. III.2 Закона о банкротстве и ответственность КДЛ для целей взыскания убытков при санации кредитной организации². С нашей точки зрения, подобное смешение недопустимо, поскольку взыскание убытков имеет направленность, не связанную с докапитализацией кредитной организации за счет КДЛ: оно нацелено на взыскание расходов Банка России на проведение санации и является компенсационным механизмом.

Публично-правовая природа данного механизма предопределяет специальный режим его реализации, который связан с понижением стандартов доказывания, обычно предъявляемых к обособленным спорам о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности по гл. III.2. И. Дубов отмечает, что полномочие, закрепленное в ст. 189.23 Закона о банкротстве, было включено в законодательство в связи с необходимостью существования иного механизма взыскания убытков, который при предоставлении минимального набора формальных доказательств позволял бы взыскивать многомиллиардные убытки³. Аналогичного подхода придерживаются специалисты, указывающие, что «подконтрольность регулятору оснований и размера убытков с одновременным упрощенным предметом доказывания... не соответствует принципу справедливости и существенно нарушает права и законные интересы ответчика по таким спорам»⁴.

На наш взгляд, подобные аргументы не следует применять к специальным должникам – кредитным организациям – по причине их важности для обеспечения макроэкономической стабильности, усложненной процедуры регистрации подобных хозяйствующих субъектов и допуска их к осуществлению банковской деятельности, а также наличия перманентного контроля над деятельностью кредитных организаций.

Кроме того, использование упрощенного стандарта доказывания при взыскании убытков на основании п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве связано с необходимостью обеспечения определенности в деятельности кредитной организации во избежание девальвации ее активов. Вместе с тем основная цель регулятора сводится не к получению имущественного удовлетворения, а к поддержанию макроэкономической стабильности или стабильности в определенной сфере экономики⁵. Следовательно, отход от классической модели удовлетворения требований кредиторов как посредством конкурсного производства, так и посредством привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности по ст. 61.11 Закона о банкротстве в случае банкротства кредитной организации представляется обоснованным.

¹ На данный момент в отечественной практике была проведена лишь одна успешная частная санация кредитной организации – санация банка «Уралсиб» под руководством Е. Когана. В остальных же случаях санацией кредитных организаций занимается Банк России и подконтрольные ему структуры, что исключает применение механизмов санации *bail-in* (Подробнее см.: Антипкина О. В. Указ. соч. С. 173).

² Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2021 г. № 09АП-50160/2021 по делу № А40-175605/2020; от 29 июня 2021 г. № 09АП-32107/2021-ГК по делу № А40-68920/2021.

³ Дубов И. Смешались в кучу кони, люди (к вопросу о взыскании убытков при санации банков) // Закон.ру. 2020. 1 дек. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/01/smeshalis_v_kuchu_koni_lyudi_k_voprosu_o_vzyskanii_ubytkov_pri_sanacii_bankov (дата обращения: 31.07.2022).

⁴ Клеточкин Д., Гейтс В. Норма процессуальная или материальная? О практике взыскания ЦБ РФ расходов на санацию «проблемных» банков с их менеджмента в судебном порядке // Адвокатская газета. 2022. 7 июня. URL: <https://www.advogazeta.ru/mneniya/norma-protsessualnaya-ili-materialnaya/> (дата обращения: 31.07.2022).

⁵ В частности, особое внимание Банка России к ПАО «Промсвязьбанк» было вызвано его стратегическим значением при кредитовании предприятий оборонно-промышленного комплекса. См.: О реализации мер по повышению финансовой устойчивости ПАО «Промсвязьбанк» // Банк России. 2017. 15 дек. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=15122017_091904ik2017-12-15t09_28_43.htm (дата обращения: 31.07.2022).

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Взыскание убытков на основании п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве является одним из полномочий по осуществлению банковского надзора. Его наличие обусловлено системной значимостью кредитных организаций для макроэкономической стабильности, что вынуждает регулятор отступать от общепринятых стандартов (доказывание, определение размера убытков и т. п.) при взыскании убытков при санации кредитной организации.

2. Публичный характер убытков, взыскиваемых на основании п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве, обосновывается тем, что, во-первых, на их взыскание уполномочены лишь определенные субъекты; во-вторых, реализация данного полномочия не связана с извлечением прибыли или иной имущественной выгоды, а направлена на компенсацию расходов при санации кредитной организации; в-третьих, санационное финансирование обладает целевым характером. При этом наличие подобного механизма связано с необходимостью компенсации расходов, понесенных в связи с публичной санацией кредитной организации, единственно допустимой в отечественной банкротной модели (тогда как зарубежные регуляторы допускают проведение частной санации).

3. Взыскание убытков по п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве не исключает применения банкротного инструментария, связанного с возможностью привлечения КДЛ к ответственности по ст. 61.11, 189.23 Закона о банкротстве, а также взыскания убытков по различным основаниям (ст. 53.1 ГК РФ, ст. 61.20 Закона о банкротстве). Подобная ситуация допустима вследствие автономного характера ответственности КДЛ, направленной на защиту публичных интересов регулятора. Взыскание убытков по п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве не исключает использования иных экстраординарных инструментов защиты прав кредиторов, поскольку они касаются защиты имущественных интересов, а не осуществления банковского надзора над деятельностью кредитных организаций.

Список литературы

Антипкина О. В. Механизмы санации банков bail-out и bail-in в европейском банковском праве: достоинства и недостатки // Закон. 2018. № 3. С. 163–175.

Дубов И. Смешались в кучу кони, люди (к вопросу о взыскании убытков при санации банков) // Zakon.ru. 2020. 1 дек. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/01/smeshalis_v_kuchu_koni_lyudi_k_voprosu_o_vzyskanii_ubytkov_pri_sanacii_bankov (дата обращения: 31.07.2022).

Егоров А. В. Нетипичные убытки по абз. 2 п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве: парадокс или потаенный смысл? // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 4. С. 58–103.

Плеточкин Д., Гейтс В. Норма процессуальная или материальная? О практике взыскания ЦБ РФ расходов на санацию «проблемных» банков с их менеджмента в судебном порядке // Адвокатская газета. 2022. 7 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/norma-protsessualnaya-ili-materialnaya/> (дата обращения: 31.07.2022).

Лаутс Е. Б. Особенности участия Банка России в предупреждении банкротства банков // Закон. 2017. № 12. С. 124–131.

Осокин А. В. К вопросу о второстепенном (субсидиарном) характере конструкции ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. С. 58–68.

Петрова Н. А. Соотношение частных и публичных интересов в банковском праве // Юридическая работа в кредитной организации. 2005. № 4 С. 76–81.

Скловский К. И. О юридической природе требования о взыскании убытков в случае санации банка на основании п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сб. ст., посвящ. юбилею проф. В. В. Витрянского / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2021. С. 217–245.

Ткачев В. Н. Теоретические и практические проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) особых категорий субъектов конкурсного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 50 с.

Тосунян Г. А. Актуальные проблемы банковского и смежного законодательства. М.: Олимп-Бизнес, 2011. Вып. 1. 303 с.

Barth J. R., Caprio G., Levine R. Bank Regulation and Supervision: What Works Best? // Journal of Financial Intermediation. 2004. Vol. 13. Is. 2. P. 205–248.

Morrison E. R. Is the Bankruptcy Code an Adequate Mechanism for Resolving the Distress of Systematically Important Institutions? // Temple law review. 2009. Vol. 82. P. 449–463.

References

Antipkina O. V. (2018) Mekhanizmy sanatsii bankov bail-out i bail-in v evropeiskom bankovskom prave: dostoinstva i nedostatki [Bail-out and bail-in mechanisms of bank resolution in EU banking law: advantages and disadvantages]. In *Zakon*, no. 3, pp. 163–175.

Barth J. R., Caprio G., Levine R. (2004) Bank Regulation and Supervision: What Works Best? In *Journal of Financial Intermediation*, vol. 13, is. 2, pp. 205–248.

Dubov I. (2020) Smeshalis' v kuchu koni, lyudi (k voprosu o vzyskanii ubytkov pri sanatsii bankov) [Mixation of horses, people (to the issue of losses recovery during the resolution of a bank)]. In *Zakon.ru*. 1 Dec., available at: https://zakon.ru/blog/2020/12/01/smeshalis_v_kuchu_koni_lyudi_k_voprosu_o_vzyskanii_ubytkov_pri_sanatsii_bankov (accessed: 31.07.2022).

Egorov A. V. (2021) Netipichnye ubytki po abz. 2 p. 5 st. 189.23 Zakona o bankrotstve: paradoks ili potaennyyi smysl? [Unusual losses under paragraph 2 of clause 5 of article 189.23 of the Bankruptcy Law: a paradox of hidden meaning?]. In *Vestnik grazhdanskogo prava*, vol. 21, no. 4, pp. 58–103.

Kletochkin D., Geits V. (2022) Norma protsessual'naya ili material'naya? O praktike vzyskaniya TsB RF raskhodov na sanatsiyu «problemnykh» bankov s ikh menedzhmenta v sudebnom poryadke [Is the rule procedural or substantive? On the practice of recovery of the Central Bank of the Russian Federation of the costs of reorganization of «problem» banks from their management in court]. In *Advokatskaya gazeta*, 7 June, available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/norma-protsessual'naya-ili-material'naya/> (accessed: 31.07.2022).

Lauts E. B. (2017) Osobennosti uchastiya Banka Rossii v preduprezhdenii bankrotstva bankov [The Bank of Russia's role in preventing bank failures]. In *Zakon*, no. 12, pp. 124–131.

Morrison E. R. (2009) Is the Bankruptcy Code an Adequate Mechanism for Resolving the Distress of Systematically Important Institutions? In *Temple law review*, vol. 82, pp. 449–463.

Osokin A. V. (2022) K voprosu o vtorostepennom (subsidiarnom) kharaktere konstruksii otvetstvennosti kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [To the notion of secondary character of liability of shadow directors in bankruptcy]. In Karelina S. A., Frolov I. V. (Ed.) *Mekhanizmy bankrotstva i ikh rol' v obespechenii blagosostoyaniya cheloveka*. Moscow, Yustitsinform, pp. 58–68.

Petrova N. A. (2005) Sootnoshenie chastnykh i publichnykh interesov v bankovskom prave [Interrelation of private and public interests in banking law]. In *Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii*, no. 4, pp. 76–81.

Sklovskii K. I. (2021) O yuridicheskoi prirode trebovaniya o vzyskanii ubytkov v sluchae sanatsii banka na osnovanii p. 5 st. 189.23 Zakona o bankrotstve [On the legal nature of losses recovery in case of bank resolution under clause 5 article 189.23 of the Bankruptcy Law]. In Sukhanov E. A. (Ed.) *Problemy grazhdanskogo prava v sudebnoi praktike i zakonodatel'stve*. Moscow, Statut, pp. 217–245.

Tkachev V. N. (2008) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy pravovogo regulirovaniya nesostoyatel'nosti (bankrotstva) osobykh kategorii sub"ektiv konkursnogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical and practical issues of insolvency regulations concerning special categories of debtors: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 50 p.

Tosunyan G. A. (2011) *Aktual'nye problemy bankovskogo i smezhnogo zakonodatel'stva* [Topical issues of banking and related laws]. Moscow, Olimp-Biznes, is. 1, 303 p.

«ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ДИСКУССИИ О БУДУЩЕМ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЫ РОССИИ»: ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА

Кукушкин Владимир Михайлович

Доцент кафедры финансового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0009-0007-8206-5877, e-mail: v.kukushkin@list.ru.

Для цитирования: Кукушкин В. М. «Цифровой рубль: дискуссии о будущем денежной единицы России»: обзор круглого стола // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 59–63. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_59.

«DIGITAL RUBLE: DISCUSSIONS ABOUT THE FUTURE OF RUSSIA'S CURRENCY»: A ROUND TABLE REVIEW

Kukushkin Vladimir

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0009-0007-8206-5877, e-mail: v.kukushkin@list.ru.

For citation: Kukushkin V. (2023) «Digital ruble: discussions about the future of Russia's currency»: a round table review. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 59–63, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_59.

20 марта 2023 г. в Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева (далее – УрГЮУ) состоялся круглый стол на тему «Цифровой рубль: дискуссии о будущем денежной единицы России». Организаторами круглого стола выступили Институт прокуратуры и кафедра финансового права университета. Идея о проведении данного мероприятия зародилась в рамках научно-образовательного проекта «Финансовое и банковское право» кафедры финансового права (руководитель проекта – доцент кафедры, кандидат юридических наук В. М. Кукушкин). Сначала планировалось участие лишь молодых ученых, но в итоге круглый стол превратился в научное мероприятие смешанного формата, где в качестве экспертов в первую очередь выступили известные ученые – специалисты в области финансового, предпринимательского и банковского права из ведущих вузов страны, а затем и студенты представили результаты своих исследований.

Открыли круглый стол директор Института прокуратуры УрГЮУ, кандидат юридических наук, доцент М. В. Гончаров и В. М. Кукушкин. С приветственным словом и докладом «Цифровой рубль: юридико-экономический потенциал и правовые проблемы защиты прав участников функционирования денежной системы» выступил директор Института права БРИКС, заведующий кафедрой финансового права УрГЮУ, доктор юридических наук, профессор Д. В. Винницкий. Он отметил, что в настоящее время многие государства рассматривают перспективы функционирования цифровых валют в рамках своих платежных систем. Действительно, с одной стороны, введение цифровых валют должно способствовать имплементации современных технологий в расчетные отношения, содействовать их ускорению и эффективности. С другой стороны, эмиссия цифровой валюты, регулируемой непосредственно центральным банком, приводит к монополизации данных отношений, увеличению степени зависимости частного лица от властных действий центрального банка (цифровые кошельки собственника денежных средств не привязываются более к расчетным отношениям с конкретным банком). Особое внимание, по мнению докладчика, следует уделить

защите прав участников отношений в сфере денежной / платежной системы. Важно также, чтобы не пострадала самостоятельность частного банковского сектора, а развитие цифровой валюты не приводило к снижению экономического потенциала данного сектора за счет перетекания ресурсов в сферу цифровых инструментов, координируемых исключительно центральным банком как государственной структурой (подобная деприватизация не способствовала бы укреплению ни экономической, ни правовой систем).

Заведующий кафедрой банковского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор Л. Г. Ефимова выступила с докладом «Отдельные правовые особенности договора цифрового счета (кошелек)». В докладе были рассмотрены изменения, которые будут внесены в законодательство РФ в связи с внедрением Банком России двухуровневой модели цифрового рубля (модель D). Правовой анализ проведен на базе двух концепций цифрового рубля (2020 и 2021 гг.), разработанных Банком России, а также пакета законопроектов о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», а также ряд других законов. В соответствии с предложенной моделью Банк России вступает в договорные правоотношения не только с кредитными организациями, но также напрямую с их клиентами – физическими и юридическими лицами. Уровни банковской системы следует выделять в зависимости от того, какую клиентуру обслуживает соответствующий банк. Если банк осуществляет обслуживание клиентов, которые не имеют статуса кредитной организации, то это банк второго уровня. Если банк обслуживает клиентов, имеющих статус кредитной организации, то это банк первого уровня. Внедрение модели D в том виде, в каком она описана в концепции Банка России 2021 г. и в пакете законопроектов, фактически приведет к стиранию различий между двумя уровнями банковской системы.

Профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор Т. Э. Рождественская в докладе «Цифровой рубль как третья форма национальной валюты» акцентировала внимание на том, что цифровой рубль будет представлять собой третью форму национальной валюты, непосредственно эмитироваться Банком России (как эмитируются наличные денежные средства, только без купюр, их печати и пр.), но существовать в безналичной форме (как существуют сейчас деньги на счетах в банках). Цифровой рубль – это средство для расчетов, а значит, не предполагается начисление процентов на остатки средств на цифровом счете, формирование вкладов в цифровом рубле или предоставление кредитов. При этом уникальные особенности цифрового рубля позволяют использовать его прежде всего в публичных расчетах. Т. Э. Рождественская проанализировала находящиеся на рассмотрении в Государственной Думе законопроекты, касающиеся правового регулирования цифрового рубля и предполагающие внесение изменений в Гражданский кодекс РФ, федеральные законы «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», «О национальной платежной системе», «О банках и банковской деятельности», «О валютном регулировании и валютном контроле» и др.

Доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент Е. Б. Лаутс в докладе «Вопросы законодательного регулирования и перспективы внедрения цифрового рубля в России» констатировала, что обеспеченный надлежащим законодательным регулированием правовой режим цифрового рубля позволит решить ряд задач в рамках обозначенных Банком России направлений банковского регулирования в сфере цифровизации, в частности укрепить доверие потребителей к финансовому рынку, развить эффективные платежные сервисы, гарантировать финансовую стабильность.

Е. Б. Лаутс перечислила основные параметры цифрового рубля: 1) для его внедрения выбрана так называемая модель D, при которой цифровой рубль является обязательством Банка России как его эмитента; 2) зачисление цифрового рубля осуществляется в результате перевода безналичных средств, принадлежащих клиенту, на его кошелек в соотношении 1:1; 3) Банк России открывает кошельки финансовым

организациям и Федеральному казначейству, а финансовые организации открывают кошельки клиентам на платформе цифрового рубля, т. е. закладывается так называемая двухуровневая модель; 4) кошельки клиентов в цифровых рублях размещаются на платформе цифрового рубля и не отражаются на балансе финансовых организаций; 5) на размещенные в кошельках цифровые рубли не начисляется процентный доход на остаток; 6) при банкротстве финансовых организаций средства на кошельке доступны клиенту через любую другую финансовую организацию, где он обслуживается.

Е. Б. Лаутс отметила, что в рамках реализации данной модели у кредитных организаций возникает ряд рисков, связанных в основном с оттоком средств со счетов клиентов банков, в особенности в кризисный период. Тем не менее разрабатываются меры по их минимизации. В частности, Банк России предлагает использовать инструменты денежно-кредитной политики. Возможно также применение банками лимитных механизмов при операциях с цифровым рублем. В Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» предлагается внести норму о том, что Банк России определяет максимальные значения суммы операций с цифровыми рублями и (или) суммы остатков цифровых рублей на цифровых счетах (кошельках). По мнению докладчика, пакет законопроектов, связанных с внедрением цифрового рубля в России, требует дальнейшего анализа и корректировок, в том числе с учетом попытки встраивания нового института в традиционные рамки правового режима банковского счета.

Преподаватель кафедры предпринимательского права УрГЮУ М. О. Болобонова в докладе «Цифровые валюты центральных банков в системе децентрализованных финансов» отметила, что развитие рынка цифровых валют, появление «стабильных монет», т. е. имеющих привязку к активу (золото, доллар и др.), а также активное внедрение смарт-контрактов сделали возможным построение системы децентрализованных финансов; при этом с 2017 г. мы можем наблюдать, как внутри этой системы формируются новые и новые институты, требующие правового регулирования (кредиты, фонды, страхование, банки, биржи, игры с элементами децентрализованных финансов и др.). М. О. Болобонова констатировала, что цифровая валюта центральных банков имеет преимущества по сравнению со «стабильными монетами», поскольку «не влечет за собой риска контрагента», как, например, криптовалюты *Bitcoin* или *Ethereum*; цифровые валюты центральных банков могут взаимодействовать с децентрализованными финансами (*DeFi*) и обеспечивать стабильность финансового сектора. По мнению докладчика, цифровые валюты – яркий пример того, как централизация и децентрализация в финансовой сфере «могут работать вместе».

Преподаватель кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина А. В. Ильина выступила с докладом «Использование цифрового рубля при осуществлении фондовых операций». А. В. Ильина отметила, что за последние несколько лет законодатель активно принимал меры по внедрению цифрового рубля в качестве средства платежа: в 2021 г. ЦБ РФ сформулировал концепцию цифрового рубля, а уже в марте 2023 г. законопроект о цифровом рубле прошел первое чтение в Государственной Думе; как следствие, с апреля 2023 г. запускается пилотный проект по операциям с цифровым рублем. Вместе с тем стоит проанализировать возможности использования цифрового рубля и в иных сферах, например на фондовом рынке.

Фондовый рынок всегда отличался многоступенчатой системой взаимодействия и расчетов. Срок расчетов по ценным бумагам различен исходя из территории их обращения: в странах ЕС расчетный период составляет T+3 за некоторыми исключениями (например, в Германии и Болгарии срок составляет T+2). В отдельных странах срок увеличивается в связи с обращением документарных ценных бумаг (Ирландия, Великобритания). При совершении трансграничных сделок время расчетов увеличивается. В России обычный срок расчетов составляет T+2. Указанный режим торгов считается наиболее удобным для размещения денежных средств для текущей покупки в иных сделках. С точки зрения А. В. Ильиной, использование цифрового рубля в качестве быстрого и доступного средства расчетов позволит ускорить расчеты на фондовом рынке и сделать его более динамичным.

Результатами своих научных исследований поделились молодые ученые. Студентка 4-го курса Института юстиции УрГЮУ А. О. Пителимова и студентка 4-го курса Института прокуратуры УрГЮУ К. Д. Сироткина выступили с сообщением «Цифровой рубль как инструмент обеспечения финансового контроля», где проинформировали о перспективах внедрения цифрового рубля на территории России, особенностях финансового контроля за оборотом цифрового рубля. Докладчики отметили, что появление цифровой валюты позволит использовать большие данные и алгоритмы искусственного интеллекта для проведения углубленного анализа эмиссии, обращения и хранения валюты, понимания законов валютных операций, а также повышения эффективности финансового контроля.

Студентка 4-го курса Института государственного и международного права УрГЮУ А. Ю. Сизых в сообщении «Цифровой рубль: новации в налоговом праве» рассмотрела место новой формы российской национальной валюты в налоговом праве и последствия ее введения для налоговых правоотношений. А. Ю. Сизых сделала вывод о положительном влиянии цифрового рубля на налоговые правоотношения, в частности отношения по взиманию налогов и по налоговому контролю. Так, внедрение цифрового рубля предоставит определенные преимущества как налогоплательщикам, так и фискальным органам, поможет усилить налоговый контроль, сделать исполнение обязанности по уплате налогов неизбежным, но при этом комфортным для налогоплательщиков.

Студентка 3-го курса Института юстиции УрГЮУ А. А. Булах в сообщении «Особенности введения цифровой валюты: Россия и Казахстан» довела до сведения аудитории результаты сравнительного анализа концептуальных документов и нормативных актов, принимаемых в целях введения цифровых денежных единиц в России и Казахстане. Говоря о платформе цифрового тенге, она отметила, что дорожный план в этой части имеет много общего с решениями России, а также КНР и Швеции. А. А. Булах подчеркнула, что интересной особенностью цифровой валюты является ее программируемость, которая позволяет снизить риск нецелевого использования денежных средств и создает новые возможности для применения смарт-контрактов. Важным, по мнению А. А. Булах, является вопрос о трансграничных платежах в цифровых валютах между Россией, Казахстаном и Белоруссией.

Студент 1-го курса Института прокуратуры УрГЮУ Б. О. Шмелев выступил с сообщением «Опыт внедрения цифровой валюты в экономическую систему государства: китайский опыт», в котором осветил практику КНР по внедрению цифрового юаня. Отмечено, что цифровой юань является единственной доступной на территории страны валютой в электронном виде и находится под полным контролем китайского правительства, что позволяет всецело контролировать эмиссию валюты, делать прозрачными произведенные с ее помощью транзакции. Докладчик предположил, что в ближайшем будущем цифровой юань имеет все шансы стать мировой резервной валютой, а применение цифровой валюты в целом позволит повысить скорость переводов денежных средств, обеспечить доступность финансовых операций для граждан, прозрачность переводов, а также создаст перспективы установления новых экономических связей между государствами.

Студент 4-го курса Института юстиции УрГЮУ А. А. Батраханов в сообщении «Цифровая валюта. Доктринальные аспекты в мусульманском праве» на примере цифровой валюты рассказал о влиянии динамичного развития финансовых отношений на мусульманскую правовую систему. Докладчик, исходя из предписаний мусульманского права, оценил дозволенность использования разных средств экономического оборота в мусульманской правовой системе и назвал ошибочным сложившееся мнение о том, что цифровая валюта является здесь запретной формой расчетов; она эмитируется государством, а значит, может быть дозволенным («Халяль») средством платежа и не противоречит основным принципам мусульманского права. Между тем, как отметил докладчик, дискуссии по этому вопросу еще ведутся.

Студентка 4-го курса Сургутского государственного университета В. А. Швырева в сообщении «Правовое регулирование цифрового рубля, цифровых финансовых активов, цифровых валют: о разнице понятий» указала на параллельное использование в доктрине понятий «цифровой рубль», «цифровые валюты», «цифровые финан-

совые активы», «криптовалюты», «токены» и подчеркнула необходимость уточнения терминологии, поскольку риски нарушения единообразия в применении и толковании норм закона становятся все более реальными. Проанализировав действующие нормы и документы программного характера, докладчик предложила варианты разграничения перечисленных понятий, исходя из функциональных характеристик обозначаемых ими явлений.

Студентка 4-го курса Института юстиции УрГЮУ М. Р. Миндибаева в сообщении «Цифровизация расчетных отношений и финансовая грамотность» рассмотрела проблему динамичного развития расчетных отношений в условиях низкой финансовой грамотности населения. Анализируя понятийный аппарат, используемый при осуществлении расчетных операций, докладчик констатировала, что в настоящее время необходимо законодательное закрепление новых понятий и категорий, так как это позволит исключить неточность и двусмысленность их толкования. Одновременно следует проводить мероприятия, способствующие ликвидации финансово-правовой и цифровой неграмотности, формированию знаний граждан об их правах как потребителей и возможностях их защиты, и тем самым повышать доверие граждан к финансовой системе государства.

В целом в работе круглого стола приняли участие около 50 человек. Некоторые из слушателей активно вступали в дискуссии. Так, профессор кафедры конституционного права УрГЮУ, доктор юридических наук, профессор С. Э. Либанова задала выступающим серию вопросов, прокомментировала отдельные аспекты денежного обращения с позиций конституционно-правового регулирования, а также акцентировала внимание на некоторых проблемах защиты прав граждан при осуществлении расчетных операций.

В. М. Кукушкин подвел итоги работы круглого стола, констатировав, что уже в настоящее время можно усмотреть ряд проблем, связанных с предстоящим внедрением цифрового рубля, проекты законов нуждаются в тщательной доработке, да и сам институт цифрового рубля требует серьезного осмысления; все это, безусловно, повлечет еще много научных дискуссий. Вместе с тем, как подчеркнул В. М. Кукушкин, диалог известных ученых и начинающих исследователей очень важен для выработки правильных решений и поиска верных моделей в правовом регулировании современной банковской деятельности.

**Рец. на кн.: Саликов М. С., Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е.,
Кузнецова С. С., Мочалов А. Н. Государственное регулирование
Интернета и права человека: монография. –
Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2022. – 220 с.**

Бендюрина Светлана Владимировна

Доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-4374-8337, e-mail: bendurina_s@list.ru.

Для цитирования: Бендюрина С. В. Рец. на кн.: Саликов М. С., Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е., Кузнецова С. С., Мочалов А. Н. Государственное регулирование Интернета и права человека: монография. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2022. – 220 с. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 64–67. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_64.

**Book review: Salikov M. S., Nesmeyanova S. E., Kolobaeva N. E.,
Kuznetsova S. S., Mochalov A. N. State regulation of the Internet
and human rights: a monograph. –
Yekaterinburg: UMTS-UPI, 2022. – 220 p.**

Bendyurina Svetlana

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-4374-8337, e-mail: bendurina_s@list.ru.

For citation: Bendyurina S. (2023) Book review: Salikov M. S., Nesmeyanova S. E., Kolobaeva N. E., Kuznetsova S. S., Mochalov A. N. State regulation of the Internet and human rights: a monograph. – Yekaterinburg, UMTS-UPI, 2022. – 220 p. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 64–67, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_64.

Исследование «Государственное регулирование Интернета и права человека», выполненное коллективом ученых кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева под руководством заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора М. С. Саликова, является завершающим в рамках научного проекта «Правовая модель реализации и защиты прав и свобод человека в сети Интернет».

В работе раскрываются основные подходы к государственному регулированию сложившихся в России и за рубежом отношений, связанных с применением блокчейн-технологий, использованием профилирования и биометрической идентификации интернет-пользователей, распространением информации посредством социальных сетей, осуществлением электронного правосудия, функционированием «открытого правительства», применением цифровых технологий в сфере образования. Авторы обращают внимание на наиболее значимые проблемы государственного регулирования использования цифровых технологий с позиции доктрины прав человека.

Монография содержит введение и пять глав, каждая из которых представляет авторскую позицию по заявленной теме, подкрепленную примерами из обширной практики и ссылками на законодательство.

В кратком введении подчеркивается значительная роль государства в системе регулирования и управления Интернетом. В период своего становления Интернет был саморегулируемой сетью без государственного вмешательства. С течением времени желание государств участвовать в управлении Всемирной сетью стало абсолютным. Вместе с тем роль государства в регламентации интернет-среды по-прежнему неод-

нозначна. Возлагая на себя функции регулятора отношений в Интернете, государство одновременно может выступать их субъектом.

Неуправляемое влияние Всемирной паутины на современное общество обозначило ряд проблем – от безопасности пользователей до сохранения конфиденциальности, от свободы слова до защиты прав человека, государственного суверенитета и национальной безопасности. Авторы отмечают, что сегодня оптимальная модель регулирования отношений в сети Интернет в государствах не сложилась, как, собственно, и международные стандарты в данной сфере.

Первая глава включает четыре параграфа и освещает тему регулирования блокчейн-технологий и прав человека.

Вначале рассматриваются основные подходы к правовому регулированию блокчейна, или технологии распределенного реестра, – универсальной технологии, применяющейся в различных сферах жизни, все чаще востребованной в деятельности органов публичной власти, а в ряде стран внедряемой в избирательный процесс.

Повсеместное распространение технологии распределенного реестра поставило вопросы об обеспечении соблюдения прав человека, государственных и общественных интересов при использовании этой технологии, а также о ее способности к саморегулированию, существованию без государственного участия. Распределенный реестр находит применение в десятках отраслей экономики, становясь все популярнее, что, на взгляд авторов монографии, должно стать поводом для правового определения роли блокчейн-технологий в регулировании конституционных правоотношений, выявления их правовой природы, а также установления механизмов реализации и защиты прав граждан, использующих данную технологию.

Пользователи программ, созданных на основе технологии распределенного реестра, сталкиваются с технической уязвимостью этой технологии, ее применением в незаконных целях. Именно поэтому требуется установление порядка использования блокчейн-технологий в деятельности органов государственной власти для обеспечения защиты прав граждан во взаимоотношениях с публичными институтами.

Проанализировав международную практику, авторы выдвинули несколько подходов к правовому регулированию блокчейн-технологий: 1) правовой нейтралитет; 2) признание блокчейн-технологий в качестве самостоятельного предмета правового регулирования; 3) технологический нейтралитет.

Интерес вызывает опыт отдельных стран по созданию на основе блокчейн-технологий цифрового удостоверения личности. Однако авторы отмечают, что в этих государствах отсутствует специальное правовое регулирование порядка применения блокчейн-технологий, и справедливо полагают, что при их использовании должен применяться принцип технологического нейтралитета. Отсутствие информации о порядке сбора, хранения персональных данных и распоряжения ими исключает возможность их контроля со стороны пользователей цифровых удостоверений и, как следствие, формирует у них недоверие к действиям власти. По мнению авторов, наиболее последовательно правовое регулирование применения блокчейн-технологий в государственном управлении осуществляется в Китае.

Повышенное внимание к возможностям применения блокчейн-технологий наблюдается в избирательном процессе. Использование этой технологии, хотя и не обеспечивает абсолютную безопасность избирательной системы, совместно с применением различных средств криптографии способствует повышению безопасности электронного голосования. Цифровизация избирательного процесса и применение блокчейн-технологий позволяет государствам восстановить доверие общества к избирательной системе, которое, в свою очередь, строится на обеспечении прозрачности избирательного процесса и его доступности для граждан.

На основе анализа научных исследований, законодательства и правоприменительной практики России и некоторых иностранных государств авторы рецензируемой работы выявили существующие концепции смарт-контракта. Обобщив результаты международной практики, они пришли к выводу, что блокчейн-технологии и смарт-контракты требуют урегулирования именно в национальном законодательстве.

Смарт-контракт – инновационная технология, оказывающая непосредственное воздействие на защиту прав человека. Степень их защищенности снижают присущие

смарт-контракту прозрачность и контролируемость широким кругом пользователей. Для минимизации рисков требуются регулятивные действия государства, направленные как на поддержание стабильности гражданского оборота, так и на обеспечение национальной безопасности.

Одновременно с появлением блокчейн-технологий и смарт-контрактов возникла отдельная технология «интернета вещей». Авторы монографии подчеркивают необходимость совершенствования законодательного регулирования использования «интернета вещей», допуская, что одним из способов обеспечения безопасности данных, собираемых персональными устройствами, могла бы стать сертификация программного обеспечения для систем, основанных на указанной технологии.

Реализуемый в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» федеральный проект «Цифровое государственное управление» предполагает создание цифровых профилей граждан и юридических лиц, которое, безусловно, выявит ряд правовых проблем идентификации пользователей в Интернете. Авторы доказывают, что цифровой профиль сопряжен с рисками нарушения прав человека и его внедрение потребует серьезной доработки федеральных законов.

В обновленном законодательстве должны быть закреплены дополнительные гарантии неприкосновенности частной жизни человека. Субъект данных подлежит информированию о наличии у него цифрового профиля и о последствиях использования данных этого профиля. Также следует установить ответственность за злоупотребление доверием граждан при получении доступа к сведениям из цифрового профиля. Кроме того, нужно ограничить возможность использования данных из цифровых профилей с любыми другими целями, кроме тех, ради которых доступ к этим данным был предоставлен.

Авторы подчеркивают, что у граждан должна сохраняться возможность осуществления конституционных прав и свобод и получения любых услуг без обращения к цифровому профилю. Соблюдение баланса между интересами граждан, публичными интересами и коммерческими интересами негосударственных структур представляется особенно важным при законодательном закреплении гарантий прав человека при обработке данных его цифрового профиля, а также установлении запретов и ограничений на использование информации из цифровых профилей.

Авторы рецензируемой монографии отмечают, что биометрическая идентификация долгое время не получала распространения в интернет-среде, хотя именно она позволяет с высокой степенью достоверности соотнести виртуальную личность с физическим телом конкретного человека. Сегодня «виртуальная личность» интернет-пользователя становится не просто цифровым отражением субъекта, а его юридической частью. По этой причине возрастают риски, связанные с ограничением приватности субъектов и их права на тайну частной жизни, а также риск злоупотреблений в случае утечки данных из биометрических баз.

Уже более двух лет в России действуют законодательные требования в отношении социальных сетей. Определение понятия «социальная сеть», сформулированное в п. 1 ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», по мнению авторов, получилось громоздким и не вполне ясным. Исходя из его смысла, социальная сеть может быть как частью сайта, так и информационной системой или компьютерной программой. Проанализировав подходы специалистов к определению понятия «социальная сеть» и нормы российского законодательства, регулирующие режим распространения информации, авторы монографии предложили свой вариант определения: «Социальная сеть – это сайт в телекоммуникационной сети, владелец которого предоставляет возможность зарегистрированным пользователям распространять собственный контент и устанавливает правила для пользователей по созданию учетной записи, формированию контента и взаимодействию друг с другом» (с. 131).

Часто социальная сеть позиционируется как площадка для трехстороннего взаимодействия, где владелец сети предоставляет технические возможности для пользователей, которые являются распространителями или потребителями информации.

Авторы монографии рассмотрели практику использования социальных сетей органами публичной власти, в том числе, в целях информирования граждан о своей деятельности.

Новые информационные технологии активно применяются и в судебной системе России: их использование при отправлении правосудия непосредственно влияет на эффективность реализации права на судебную защиту. Внедрение цифровых технологий в судебные системы государств позволяет ускорить осуществление судебных процедур, сокращает издержки сторон. Однако цифровые технологии не только повышают качество правосудия, но и создают риски для его участников. Поэтому проблема правового регулирования применения информационных технологий в сфере правосудия сохраняет актуальность.

В связи с изменением стандартов использования современных коммуникационных средств и электронных документов в судебной системе России актуальным становится вопрос о соотношении понятий «информатизация правосудия» и «электронное правосудие». Обобщив различные позиции ученых по этой проблеме, авторы монографии приходят к выводу, что рассматриваемые понятия взаимосвязаны, но не тождественны.

Авторы также обращаются к истории развития электронного правосудия в России. Они отмечают, что специалистам в ближайшем будущем для качественного рассмотрения судебных споров с использованием информационных технологий предстоит разрешить множество практических проблем; при этом приоритетным должно стать признание ценности человека, его прав и свобод.

Большое значение имеет тот факт, что государство, с одной стороны, является внешним регулятором по отношению к участникам интернет-отношений, а с другой – активно вовлечено в онлайн-коммуникацию. Государство может одновременно выступать пользователем и поставщиком интернет-услуг, в том числе провайдером сервисов «открытого правительства». «Открытое правительство» – новый тип коммуникации между гражданами и государством, один из инструментов осуществления демократии.

В заключительном параграфе монографии авторы обратились к теме государственного регулирования Интернета в сфере образования. По убеждению исследователей, надлежащее правовое регулирование в данной области должно обеспечиваться на национальном уровне. В основе «цифрового» права на образование и использование интернет-технологий в образовательной деятельности должны лежать пять ключевых принципов: соблюдение требований безопасности для здоровья обучающегося; обеспечение необходимого уровня компетентности научно-педагогического состава, использующего цифровой образовательный контент; обеспечение прав обучающегося при использовании информационных технологий (право на защиту персональных данных, право на изображение и др.); альтернативность применяемых способов обучения с целью сохранения стабильности образовательного процесса; обеспечение права обучающихся на равный доступ к технологиям. Эти принципы следует закрепить в федеральном законе и учитывать в специальном нормативно-правовом регулировании (с. 219).

В монографии рассмотрен широкий круг теоретических и правовых проблем соблюдения и защиты конституционных прав и свобод граждан в условиях форсированной цифровизации общества и государства. Проанализированы особенности государственного регулирования Интернета в России и ряде зарубежных стран.

Монография может быть рекомендована для использования в учебном процессе в рамках изучения дисциплин «Конституционное право», «Права человека», «Избирательное право», «Правовое обеспечение свободы массовой информации» и др.

Рец. на кн.: *Yadong Cui. Artificial intelligence and judicial modernization. – Shanghai: Shanghai People’s Publishing House, 2020. – 242 p.***Волков Юрий Викторович**

Доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-9917-717X, e-mail: vyuv001@usla.ru.

Для цитирования: Волков Ю. В. Рец. на кн.: *Yadong Cui. Artificial intelligence and judicial modernization. – Shanghai: Shanghai People’s Publishing House, 2020. – 242 p.* // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 68–70. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_68.

Book review: *Yadong Cui. Artificial intelligence and judicial modernization. – Shanghai: Shanghai People’s Publishing House, 2020. – 242 p.***Volkov Yury**

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9917-717X, e-mail: vyuv001@usla.ru.

For citation: Volkov Yu. (2023) Book review: *Yadong Cui. Artificial intelligence and judicial modernization. – Shanghai: Shanghai People’s Publishing House, 2020. – 242 p.* In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 68–70, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_68.

В 2020 г. в Китае на английском языке была издана книга Ядун Цуйя¹ «Искусственный интеллект и модернизация правосудия». Годом ранее она была выпущена на китайском языке.

Модернизация судебной системы в любой стране – процесс сложный, затратный, опирающийся на руководящую волю и передовые технологии. По утверждению отдельных российских авторов, глубокая интеграция в правосудие современных технологий искусственного интеллекта может «придать технологические крылья» правосудию и сделать его настоящей наукой². Вместе с тем внедрение технологий искусственного интеллекта порождает некоторые проблемы гуманитарного и социального характера, которые становятся предметом исследования с точки зрения этики и права³. Проблематика на стыке права и искусственного интеллекта актуальна для практикующих специалистов, исследователей права, а также всех, кто интересуется вопросами высоких технологий и права. В связи с этим работа «Искусственный интеллект и модернизация правосудия» заслуживает особого внимания.

В целом издание напоминает отчет о проделанной работе по внедрению в судебную деятельность системы искусственного интеллекта, обозначенной как «Система 206», что неоднократно подчеркивает сам автор.

Во вступлении анализируются проблемы правосудия в Китае. Приводятся факты, которые могут представлять интерес для сравнительного исследования. Так, автор отмечает, что работа по информатизации юриспруденции имеет глубокие исторические корни. В 1985 г. профессор Цянь Сюэсен предложил использовать искусствен-

¹ Китайский правовед Ядун Цуй (*Yadong Cui*) прошел долгий карьерный путь от полицейского, солдата-связиста до регионального секретаря Коммунистической партии Китая, судьи второго ранга, председателя Шанхайского высокого суда и президента Шанхайского юридического общества.

² Анисимова А. С., Спиридонова М. П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 39. № 3. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-161-165.

³ Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект. Этико-правовые основы: моногр. М.: Проспект, 2021.

ный интеллект, инженерии знаний и экспертную систему в юридических делах. В 1986 г. Су Хуэйюй, Чжан Гоцюань и Ши Цзяньсань, представители Университета Восточного Китая, выдвинули идею о вынесении приговора с использованием компьютерных технологий. В начале 2014 г. Высокий суд Шанхая стал участником пилотного проекта реформы национальной судебной системы (проект «Система 206»). В июле 2015 г. в Шанхае состоялась национальная встреча по продвижению реформы судебной системы. Высокий суд Шанхая взял на себя задачу по разработке «программного обеспечения, ориентированного на судебное разбирательство». В разработке принимали участие более 700 специалистов. «Система 206» была завершена и введена в эксплуатацию 3 мая 2017 г. С 2018 г. она используется при возбуждении дела (подаче иска), расследовании, согласовании ареста, пересмотре дела, судебном преследовании, судебном разбирательстве и вынесении приговора. Внедрение данного решения обуславливает предъявление определенных требований и к судебной сфере. Цитируя председателя Верховного народного суда КНР Чжоу Цяна, автор отмечает, что судебная реформа и информатизация являются двумя незаменимыми факторами развития судебной системы и судопроизводства страны. В книге также описано множество проблем, которые возникали по ходу внедрения «Системы 206».

Текст рецензируемой книги разделен на три части, каждая из которых разбита на главы и параграфы.

Первая часть «Исторические предпосылки модернизации правосудия» теоретическая, состоит из трех глав, раскрывает следующие темы: понятие искусственного интеллекта; конкуренция человека и машины; развитие искусственного интеллекта; анализ теории искусственного интеллекта и его применения в судебной практике. Проводится анализ американского варианта инвестирования и развития программ искусственного интеллекта. Представлен хронологический обзор (в форме таблицы) программ по внедрению искусственного интеллекта некоторых ведущих странах Европейского союза.

Вторая часть «Искусственный интеллект на службе судебной реформы Китая. Вспомогательная система уголовного судопроизводства в Шанхае» – ключевая часть книги. Она содержит восемь глав, посвящена использованию искусственного интеллекта в практической юриспруденции. Главы фиксируют основные этапы развития и применения «Системы 206». Ядун Цуй называет следующие основные направления применения искусственного интеллекта в судебной системе Китая:

1. Помощь в обработке документов. Например, с помощью искусственного интеллекта возможен перевод в текстовую форму устных выступлений сторон, что значительно облегчает работу клерка (секретаря судебного заседания). Некоторые судебные платформы, такие как интернет-суд Ханчжоу, могут использовать искусственный интеллект для автоматического составления обвинительного заключения и судебного решения. Сторонам нужно только разместить соответствующие материалы на специальных цифровых платформах и получить готовые проекты документов. Это значительно повышает эффективность работы суда.

2. Помощь в обработке дел. Искусственный интеллект может извлекать и проверять доказательственную информацию и прогнозировать результаты судебного разбирательства по делу. Искусственный интеллект стандартизирует суждения, обеспечивает их согласованность, уменьшает количество случаев, когда люди несправедливо, ложно или ошибочно обвиняются или осуждаются. Это повышает общественное доверие к судебным органам.

3. Оказание помощи судебным службам. Суды могут предоставлять юридические консультации гражданам с помощью роботов с искусственным интеллектом. Автор называет несколько правовых систем, с которыми работают специалисты: система «Цанхай» суда Сямынь, система «Сяо Зи» Шэньчжэньского международного арбитражного суда, система «Нань Сяо Фа» бюро правосудия района Наньшань в Шэньчжэне и т. д.

Третья часть книги «Перспективы: возможности и вызовы искусственного интеллекта. Построение правового государства с помощью искусственного интеллекта» содержит четыре главы и посвящена перспективам использования искусственного интеллекта в правосудии. В этой части автор основное внимание уделяет пробле-

мам и рискам, связанным с применением искусственного интеллекта, и способам их преодоления. По мнению автора, с одной стороны, необходимо модернизировать судебную систему с использованием искусственного интеллекта; с другой стороны, надлежит развивать системы искусственного интеллекта с учетом принципа верховенства закона для снижения рисков и проблем в будущем. Отмечается, что верховенство закона является гарантией безопасного использования искусственного интеллекта.

В заключение автор благодарит своих коллег, которые принимали участие в написании отдельных глав и подготовке издания к печати. Книга завершается примечательной фразой, которая может стать визитной карточкой автора: «Страна, управляющая наукой и технологиями, управляет будущим».

Данное издание сложно сравнивать с чем-либо, поскольку в мире еще нет опыта внедрения искусственного интеллекта в судебную сферу. Многие из описанных в рецензируемой работе проблем имеют сугубо территориальную или национальную (китайскую) специфику. Например, в книге приводятся снимки монитора (скриншоты) без перевода на английский язык.

Рецензируемая книга адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов, практикующим юристам, а также всем, кто интересуется вопросами высоких технологий и права.

Список литературы

Анисимова А. С., Спиридонова М. П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 39. № 3. С. 161–165. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-161-165.

Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект. Этико-правовые основы: моногр. М.: Проспект, 2021. 176 с.

References

Anisimova A. S., Spiridonova M. P. (2021) K voprosu o vozmozhnostyakh ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v pravosudii [To the question about the possibility of use artificial intelligence technologies in justice]. In *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 39, no. 3, pp. 161–165, DOI: 10.21779/2224-0241-2021-39-3-161-165.

Bakhteev D. V. (2021) *Iskusstvennyi intellekt. Etiko-pravovye osnovy* [Artificial intelligence. Ethical and legal bases]. Moscow, Prospekt, 176 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *Н. Н. Рассохиной*

Подписано к использованию 28.06.23.
Уч.-изд. л. 8,04. Объем 1,95 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит